

ГЛАВА VI.

Объ образованіи, преимущественно высшемъ.

Взаимная связь правительственно-го, промышленного и просветитель-
ного строевъ.—Личное и общественное, или индивидуальное и социаль-
ное.—Социализмъ и периоды истории.—Возрастъ, предметы и учителя
среднихъ учебныхъ заведений.—Пребывающее значение высшихъ
учебныхъ заведений.—Ихъ специализация и сочетание въ нихъ абстракта
съ конкретомъ.—Доступность ихъ для всѣхъ имѣющихъ подготовку не
исключаетъ необходимости какъ надзора и руководительства за уси-
нностью занятій, такъ и различий въ аттестации.—Вліяніе отдельныхъ
профессоровъ, ихъ общаго Совета, товарищеской и практическихъ заня-
тий.—Способы испытания.—Число слушателей и занимающихся.—Число
предметовъ и специальностей.—Аттестация.—Стипендии и другіе виды
пособій слушателямъ.

Сказавъ въ предшествующихъ статьяхъ свое посильное мнѣніе по нѣкоторымъ вопросамъ вышнихъ отношеній нашей страны, по сравненію ея съ остальнымъ міромъ, считаю теперь возможнымъ прямо обратиться къ тремъ основнымъ, центральнымъ предметамъ, ради которыхъ и начаты мои „Завѣтныя мысли“, а именно къ изложенію своихъ мнѣній, относящихся до настоящихъ мѣропріятій, необходимыхъ по крайнему моему разумѣнію въ нашей правительственной системѣ, въ нашемъ промышленномъ строѣ и въ нашемъ просвѣщеніи. Знаю, что никто моихъ мнѣній объ этихъ предметахъ не спрашиваетъ, никому до нихъ и дѣла не будетъ, однако писать рѣшаюсь преимущественно по двумъ причинамъ. Прежде всего по той, что ради упроченія общаго народнаго благосостоянія всѣми, начиная съ Царя, признается необходимость улучшений въ современномъ теченіи дѣлъ по тремъ вышенназваннымъ предметамъ и объ недостаточности ихъ современного положенія до того часто толкуютъ, что неѣть надобности надѣять этимъ останавливаться, своего же пригоднаго къ дѣлу, т. е. практически исполнимаго плана, исходящаго изъ тѣхъ или иныхъ общихъ началъ, обыкновенно при этомъ не выясняютъ, мнѣ же думается, что одно крити-

ческое отношение совсѣмъ здѣсь недостаточно, а всего важнѣе обсужденіе плановъ или основныхъ приемовъ дѣйствія, о которыхъ у меня сложились въ головѣ свои представлениа и мѣгъ нежелательно замалчивать обѣ этомъ, такъ какъ во всемъ сколько нибудь общемъ и сложномъ слово должно предшествовать дѣлу, хотя въ единоличномъ этого можетъ и не быть, по указанію воли, привычекъ и сложившихся убѣждений. Во вторыхъ, рѣшаюсь говорить про три названные предмета по той причинѣ, что слышу и читаю о нихъ много такого, съ чѣмъ никакъ согласиться не могу, вдаваться же въ критику и полемику отнюдь не желаю, однако смеѣтъ имѣть свои убѣждениа и излагать ихъ считаю себя въ правѣ на исходѣ лѣтъ, когда личные интересы гаснутъ, а опытъ жизни многому научилъ. При томъ, мысли свои берусь излагать отнюдь не наставительно, а лишь какъ свой посильный вкладъ въ общее дѣло и только въ видѣ набросковъ карандашемъ или картоновъ, безъ отдѣлки подробностей и безъ красокъ. Кому приглянется — разрисуетъ или воспользуется хоть частями. Вопросы сюда относящіеся будутъ рано или поздно рѣшаться на такомъ верхѣ, до котораго мой голосъ и мои наброски едва ли достигнутъ, но я надѣюсь, что отзвуки откровенного голоса и силуэты старѣющей руки, хотя слабо, но сколько нибудь да проникнутъ куда слѣдуетъ, потому что сделаны они безъ заднихъ и личныхъ мыслей, на основаніи опыта и думъ. Словомъ пишу такъ, какъ Богъ въ душу вложилъ; защищаться и оправдываться поэтому вовсе не полагаю, не считая, однако, свои слова послѣдними и не отказываясь пристать къ другимъ мнѣніямъ, если они покажутся мнѣ не только удовлетворительными въ теоретическомъ смыслѣ, но и возможными для практическаго осуществленія.

Начну съ вопросовъ образования преимущественно высшаго¹⁾ не только потому, что оно близко мнѣ знакомо, такъ

¹⁾ О среднемъ, преимущественно гимназическому, образованіи сказано иною было кое что въ газетѣ „Россія“ и перепечатано въ особой брошюрѣ: „Замѣтки о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Д. Менделѣева. 1901 годъ“. О первоначальномъ же или элементарномъ, а также о первоначальныхъ видахъ профессионального образованія мнѣ хотѣлось бы многое сказать, но не здѣсь, а гдѣ либо особо, потому что предметъ этотъ очень ужъ сложенъ и въ немъ для меня самого еще есть много сомнительнаго. Главное, что хочется сказать, относится къ такъ называемому высшему образованію и особенно къ учительскому, потому что

какъ преимущественно ему отданъ былъ весь цвѣтъ моей прошлой жизни, но и потому особенно, что плоды всякихъ мѣропріятій, относящихся къ народному просвѣщенію, зреютъ вообще очень медленно, медленнѣе, чѣмъ для мѣропріятій, касающихся промышленности и правительственаго строя (для высшаго образования однако немного скорѣе, чѣмъ для низшаго и средняго), а безъ нихъ нельзя ни представить, ни даже ожидать правильнаго, въ современномъ смыслѣ, направления ни для правительственныхъ учрежденій, ни для промышленности, такъ какъ тамъ и тутъ прежде всего необходимы просвѣщенные исполнители. Однако для пониманія задачъ просвѣщенія, въ особенности высшаго, не должно ни минуты терять изъ виду обратной зависимости хода просвѣщенія отъ теченія дѣлъ правительственныхъ и промышленныхъ, такъ какъ просвѣщеніе получило правильное направление и истинное развитіе только для удовлетворенія государственныхъ и общественныхъ потребностей или надобностей, а они многозначительнѣе и первѣе всего выражаются ростомъ и усложненіями правительственныхъ и промышленныхъ отношеній, подразумѣвая подъ первыми не только одно коронное и выборное чиновничество, но и воинство, учителей, настырей церкви и т. п., а подъ вторыми не только фабрично-заводскія дѣла, но и сельско-хозяйственные, горныя, перевозочные и всякая профессиональная. Въ странѣ съ неразвитою или первобытною правительственною машиною и промышленностью неѣть спроса для истиннаго образования, особенно высшаго, и тамъ, гдѣ господствуютъ вялость и формализмъ самостоятельные специалисты съ высшимъ образованіемъ не находятъ дѣятельности въ общественныхъ и государственныхъ сферахъ, а потому впадаютъ или въ метафизические абстракты и уродливые утопіи, или просто въ отчаяніе и излишества, а въ лучшемъ случаѣ въ не нужную діалектику и декадентское празднословіе. Истинно образованный человѣкъ, какъ я его понимаю въ современному смыслѣ, найдетъ себѣ мѣсто только тогда, когда въ немъ, съ его самостоятельными

оно даетъ тонъ всему народному просвѣщенію и въ наше время у насъ настоящийѣе всего требуетъ обдуманныхъ и скорыхъ преобразованій. Лѣстница просвѣщенія конечно опирается на общее-народное образование, но въ противность множеству людскихъ дѣлъ, строится начиная сверху, а mestется, конечно ужъ не иначе, какъ начиная сверху.

суждениями, будуть нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе онъ лишній и про него писано „Горе отъ ума“. Высшее образование въ его специальному объемѣ достигается только трудомъ и очень долгимъ, и дается только не многимъ къ нему способнымъ, а лица его получившія повсюду пользуются особыми преимуществами, или, если угодно, привилегіями, отнюдь не потому, что они имѣли практическую возможность получить такое образование, а лишь потому, что они нужнѣе и полезнѣе другихъ, сравнительно съ массой людей не получившихъ или не могшихъ получить такой же мѣры образования. Другими словами образование есть благопріобрѣтенный капиталъ, отвѣчающій затратѣ времени и труда и накопленію людской мудрости и опыта. Преимущества или привилегіи, доставляемыя высшимъ образованіемъ, конечно, зовутъ къ себѣ многихъ, и никакому сомнѣнію не подлежитъ, что многие изъ жаждущихъ — не образованія, а привилегій имъ доставляемыхъ — не въ силахъ вынести на своихъ плечахъ ни того, что нужно для достиженія этого высшаго образования, ни тѣхъ общественныхъ обязанностей, которыхъ оно налагаетъ на лицъ, его получившихъ, т. е. обязанности служить тѣмъ или инымъ путемъ для общественныхъ и государственныхъ цѣлей, которыхъ и выражаются прежде всего въ правительственныхъ органахъ и руководительствѣ промышленности. Древній идеалъ „совершенного человѣка“, т. е. „силача и мудреца“ (хѣлѣ хѣтапхѣ), къ нашему времени, когда общественная жизнь преобладаетъ надъ личною и тѣмъ глубоко отличаетъ современное общество отъ простого стада или кагала, суммирующаго личные интересы, нынѣ уже не удовлетворителенъ или правильнѣе сказать долженъ быть усложненъ тѣмъ понятіемъ, что человѣкъ тѣмъ болѣе совершенъ, чѣмъ болѣе онъ полезенъ для широкаго круга интересовъ общественныхъ, государственныхъ и всего человѣчества. Это требование тѣмъ законнѣе или тѣмъ справедливѣе, что высшее образование нынѣ исключительно или, по крайней мѣрѣ, почти исключительно доставляется средствами, затрачиваемыми обществами или государствомъ. Высшее просвѣщеніе для одного единоличного удовлетворенія, безъ общественно-государственной дѣятельности, совершенно неудовлетворительно, на мой взглядъ, въ наше время, такъ какъ въ

томъ или иномъ видѣ схимникъ, аскетъ, эпикуреецъ и вообще индивидуалистъ того или другого вида, суть произведенія уже прошлаго, представители личнаго блага безъ всякаго прямого отношенія къ общественному, выступающему—безъ поработленія—тѣмъ тверже и вліятельнѣе, чѣмъ тѣснѣе, мириѣ и, переплетаясь интересами, уживаются люди на занятой части земли, то есть чѣмъ болѣе удаляются они отъ начальнаго стаднаго, кое кому еще любезнаго, быта.

Въ рѣшениі сомнѣній, сюда относящихся (ихъ я знаю и понимаю, потому что въ нихъ болѣе или менѣе долго оставался), должно искать историческій ключъ къ пониманію множества вопросовъ, касающихся до дѣла народнаго просвѣщенія. Отдельныя лица, съ ихъ личными интересами всякаго свойства, составляютъ конечно начало общества, ихъ интересы первичны, но не всеобъемлющи, и „Общественный контрактъ“ (*Contrat social*) Ж. Ж. Руссо такъ же не удовлетворяетъ надобности современной и предстоящей жизни людей, какъ буддийскій аскетизмъ, платоновская республика, съ ея рабами, да съ презрѣніемъ къ скромному труду, и Нишиніанскій „сверхъ человѣкъ“, потому что во всѣхъ ихъ господствуетъ индивидуализмъ—немногихъ, а живущія совмѣстно съ развитіемъ индувидуализма немногихъ—начала общественности, полнѣе всего и ярче выраженный въ государственности, до такой степени скрываются, что подвиги хѣйстительныхъ героеvъ лишь ложно объясняются желаніемъ славы, дѣла же „долга“ неличнаго, а общаго, прикрываются какою то тогою личныхъ отношеній, или эпикурействомъ магометова рая, или стоицизмомъ, въ сущности, все, кроме себя самихъ, презирающимъ. Становясь на такую точку зрѣній, мнѣ кажется совершенно выясненными многія отношенія, касающіяся современного вышшаго народнаго просвѣщенія. Такова моя основная мысль. Личное, нераздѣльно связанное съ общимъ, т. е. преимущественно государственнымъ, предшествуетъ, какъ въ общей исторіи, такъ и въ жизни каждого лица, этому общественному или государственному, какъ дѣтство предшествуетъ зрѣлости. Какъ въ дѣтствѣ преобладаютъ животныя и личные требования надъ требованиями, вызываемыми сношечіями съ другими людьми, такъ и во всемъ просвѣщеніи первыя предшествуютъ вторымъ. По этой мысли въ начальномъ и среднемъ образованіи должно преобладать преимущественно

развитіе личное, а въ высшемъ образованіи общественное и государственное. Личное или индивидуальное само по себѣ всякому, даже мало развитому человѣку, даже животному, понятно, просто и ясно, а общее или государственное, начиная съ материальныхъ отношеній этого рода, напримѣръ, въ промышленности и въ войнѣ и кончая высшимъ и моральнымъ, напр., въ дѣлѣ религіи, долга и просвѣщенія, становится понятнымъ и требующимъ настоятельного удовлетворенія только понемногу, только при скопленіи людей, только при увеличеніи народонаселенія и только подъ влияніемъ вдумчиваго отношенія ко всей современной совокупности обстоятельствъ сложившихся условій жизни. Личному или индивидуальному отвѣщаются права, свобода до произвола включительно, и разумность — до рационального вывода истины, а общему, позднѣе развивающемуся, соотвѣтствуютъ обязанности, преклоненіе предъ закономъ и признаніе истины лишь труднымъ путемъ опыта и наблюдений. Надо, очевидно, сочетаніе личнаго съ общимъ и одно первое, даже доведенное до райскаго блаженства, уже неудовлетворяетъ требованіямъ возрастающаго мышленія, успокоивается лишь удовлетвореніемъ общему. Всегда это жило, по въ зародышномъ состояніи, теперь же, когда люди стали столь быстро множиться (см. гл. 2-ю), оно выступило явственнѣе прежняго во много разъ, и общее, по своей широкости, захватывая личное, обнимаетъ все индивидуальное, хотя по самому своему существу отнюдь не вытѣсняетъ его, даже не ставить на дальний планъ, а просто стремится къ согласованію съ нимъ, какъ въ наукѣ безличный опытъ съ личнымъ разсужденіемъ, конкретъ съ абстрактомъ. Не хочу, да признаюсь даже и не въ силахъ, если бы и захотѣлъ, доказывать эту свою завѣтную мысль, а желаю только достичь яснаго о ней представлениія. Для этого мнѣ кажется достаточнымъ съ одной стороны указать на способъ пониманія того, что называется соціализмъ, а съ другой обратить вниманіе на сумму историческихъ перемѣнъ, наступившихъ къ нашему времени.

Хотя происхожденіе соціализма должно искать въ глубокой древности, но всѣмъ известно, что ученіе это стало пріобрѣтать послѣдователей преимущественно во вторую половину XIX столѣтія. Сущность этого ученія настолько известна, что я не считаю надобнымъ на этомъ остановли-

ваться, а быстрота распространенія ученія соціалистовъ, несмотря на всю несообразность многихъ понятій, конечно поражала многихъ, и я не разъ слыхалъ объясненіе этой быстроты тѣмъ, что соціализмъ отвѣчаетъ дурнымъ наклонностямъ людей и потому привлекаетъ ихъ массы, а иногда ставятъ распространеніе соціализма въ зависимость отъ расширения фабрикъ и заводовъ, банкировъ и капитализма, антимонархическихъ началъ и пролетаріата. Не отвергая вліянія всѣхъ этихъ сторонъ на распространеніе очевидно ложнаго ученія соціалистовъ, я полагаю, что главную для того причину должно искать въ томъ, что новѣйшій соціализмъ, по названию и до некоторой степени по своему существу, должно противопоставить индивидуализму, такъ какъ послѣдній имѣеть въ виду прежде всего благо отдельного лица, а соціализмъ благо общее, для всѣхъ одинаково равное, такъ сказать обязательно равное. Соціализмъ отвѣтилъ, известнымъ образомъ, требованію времени, когда начали уже понимать, что личное благо возможно лишь только внутри, а вышеудовлетвореніе болѣе или менѣе необходимо для всѣхъ живущихъ — иначе наступить рано или поздно бѣда даже личная. Его стремленіе идти наперекоръ всей исторіи человѣчества, всегда болѣе или менѣе выставлявшей значеніе какъ личныхъ, такъ и общихъ началъ, впало въ такое внутреннее противорѣчіе, по которому вышеупомянутые мелкие личные интересы удовлетворяются въ равной мѣрѣ для всѣхъ, а наиболѣе творческія начала, начиная съ прогресса и измѣненій всякаго рода, совершенно уничтожаются, потому что они опредѣляются не общимъ стремленіемъ, а всегда единоличною инициативою. Внутреннее противорѣчіе между красивымъ названіемъ и некрасивымъ содержаніемъ соціального ученія ведетъ къ тому, что умы, пытливые и уравновѣшенные, наиболѣе способные къ воспріятію новыхъ началъ, повсюду стали отвергать это ученіе и оно увлекло только малоразвитыхъ людей, въ которыхъ погашена живая струна личной инициативы, и впереди видится только потребность въ хлѣбѣ насущномъ и въ удовлетвореніи низшихъ склонностей. Слѣдствія соціализма очевидны: застой и неизбѣжность поработченія новыми или свѣжими народами, чуждыми утопическихъ увлеченій соціалистовъ; для нихъ общее благо низводится исключительно только до сытости. Развитіе человѣ-

чества началось именно съ признанія потребности сперва личнаго, а потомъ общаго блага, и на ихъ сочетаніи покоятся всѣ законы и образы правленія. Но то одно, то другое, временами, беретъ верхъ и вотъ нынѣ, когда крайнее процвѣтаніе индивидуализма начинаетъ, видимо, забирать верхъ, появленіе соціализма и его быстрое распространеніе становятся понятнымъ по существу. Его общественное и моральное значеніе въ извѣстной мѣрѣ можно считать даже благопріятнымъ для общаго роста сознательности, особенно, если имѣть въ виду „теоретическій соціализмъ“, но предлагаемые въ немъ приемы прямо не сообразны съ цѣлью, которой желаютъ достичь, и я не думаю, какъ полагаютъ однако многіе, что ученіе соціалистовъ служило источникомъ для возрожденія такихъ общегосударственныхъ предпріятій, какъ виды государственныхъ монополій (напр. желѣзодорожныхъ), попеченія о рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, всеобщаго страхованія и т. п., потому что уже съ превныхъ временъ видны начала, изъ которыхъ развились подобныя мѣры, выражающія собою извѣстную форму сочетанія государственныхъ интересовъ съ личными. Уже одно возникновеніе постоянныхъ войскъ, водохранилищъ, орошеній, даже дорогъ и почты свидѣтельствуетъ о томъ, что государственные средства никогда, принципіально, не отожествлялись съ понятіемъ казны, какъ собственности правящихъ классовъ, а назначались для удовлетворенія тѣхъ общихъ потребностей, которые могли быть выполнены только большимъ сборнымъ государственнымъ капиталомъ. Во всякомъ случаѣ увлечение соціализмомъ, по моему мнѣнію, нельзя правильно понимать, если не принять во вниманіе лучшихъ его стремленій къ достижению общаго блага, и если не видѣть, что основную ошибку соціализма составляетъ подавленіе личной инициативы, которая въ сущности своей и ведетъ ко всѣмъ видамъ прогресса, заставляя, какъ показалъ Тардъ, массы народа „подражать“ единоличному примѣру. Словомъ, утопія соціализма есть крайняя противоположность утопіи индивидуализма. Истина въ срединномъ сочетаніи.

Моя мысль объ отношеніи единоличнаго къ общему, или индивидуальнаго къ соціальному (которое должно явно отличать отъ соціалистического) скажется, я полагаю, еще яснѣе, если я выражу увѣренность, что глубокія измѣненія

во множествѣ прежнихъ, стародавнихъ отношеній заставятъ, по моему мнѣнію, признать наше время концемъ „новой“ исторіи и началомъ „новѣйшей“ или современной. Новая исторія характеризуется преобладаніемъ и развитіемъ интересовъ индивидуальныхъ, новѣйшая — должна дать наибольшій просторъ и широкое, прежде не бывалое, развитіе интересамъ соціальнымъ. Внѣшнимъ признакомъ наступленія новѣйшей исторіи можно считать распространеніе и даже преобладаніе во всѣхъ частяхъ свѣта началъ западно-европейской или лучше латинско-саксонской цивилизациіи, въ усовершенствованіи которыхъ и протекла большая часть новой исторіи. Эта послѣдняя начинается съ открытия Америки, теперь уже занявшей самостоятельное и видное положеніе во всѣхъ міровыхъ отношеніяхъ. Новѣйшая исторія, начинаясь съ распространеніемъ тѣхъ же началъ на громадныя пространства Азіи и Африки, введетъ народы этихъ частей свѣта въ общую исторію человѣчества, и въ ней китайцы и даже негры должны занять такую же роль по отношенію къ остальному міру, какую заняли Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ новой исторіи. Но Соединенные Штаты въ сущности представляютъ тѣхъ же западныхъ европейцевъ, пересаженныхъ на новую почву и въ новые условія, тогда какъ у китайцевъ, индѣйцевъ и негровъ есть уже много своего народа со многими своими особенностями, до роскошь — включительно, и эти народы сколько бы не воспріяли обще-европейской цивилизациіи все же останутся со своими особенностями и безъ сомнѣнія внесутъ въ міръ много такого, что отличить новѣйшую исторію отъ новой въ большей мѣрѣ, чѣмъ эта послѣдня отличается отъ „средней“. Борьба всякаго рода, начиная отъ войнъ, на мой взглядъ, при этомъ неизбѣжна, и нельзя допустить мысли, чтобы она кончилась подобно тому, какъ кончилась война европейцевъ съ сѣверо-американскими индѣйцами, и вновь вступившія въ міровую область народности Азіи и Африки, по моему разумѣнію, должны внести для удержанія своей самобытности усовершенствованіе началъ цивилизациіи выраженіемъ, даже преобладаніемъ, общественно-соціальныхъ началъ въ такой мѣрѣ, которая еще не существуетъ въ нашемъ обиходѣ, преимущественно индивидуалистическомъ. Надо же помнить, что древній міръ обновленъ преимущественно вслѣдствіе

пришельцевъ изъ Азіи, что тамъ родились и воспитались
начала широкой государственности, правда первобытной,
что тамъ же, да въ прилегающихъ частяхъ Африки (Египтѣ)
зарождались наука и религія, что тамъ раньше Европы сло-
жились условія возможности быстраго размноженія людей и
что въ одной Азіи живетъ болѣе половины всѣхъ людей, а
въ одномъ Китаѣ (426 милл.) болѣе чѣмъ во всей Европѣ
(380 милл.). Взойдя въ міровую жизнь при помощи Европей-
цевъ, а они явно входятъ уже, азіаты повліяютъ на эту
жизнь и повліяютъ общностю, массою. Они выиграютъ въ
индивидуальныхъ отношеніяхъ, а европейцы — въ соціаль-
ныхъ. И всѣмъ будетъ лучше. Только, на мой взглядъ, про-
изойдетъ это никакъ не при помощи такихъ грубо подра-
жательныхъ народовъ, каковъ японскій, умѣющіхъ быстро
съобразъянить лишь такія виѣшности, какъ фабрики, флотъ,
парламентъ, войско и т. п., а вѣроятнѣе всего при помощи
такихъ оригинально-устойчивыхъ, крѣнко-живущихъ (потому
что вѣрять кое во что, но безъ фанатизма), благодушно-
мирныхъ и многочисленныхъ народовъ, каковы преимущест-
венно китайцы. Въ новѣйшей исторіи они должны выступить
на міровую сцену; ихъ вліятельная самобытность видна уже
въ томъ, что они чужды воинственности и аристократизма,
умѣли пріурочить себѣ покорителей (монголовъ и манчжуровъ)
и сохранились тысячилѣтія, какъ ни одинъ другой народъ.
Значитъ въ нихъ есть иѣчто высшее, общее или соціальное.

Всѣ главныя части нашей русской исторіи совершились
въ новую эпоху человѣчества, мы восприняли начало латино-
саксонской цивилизаціи познѣе другихъ западно-европей-
цевъ и ни для кого не подлежитъ сомнѣнію, что мы сохра-
нили больше, чѣмъ западно-европейцы, иѣкоторые начальные
стороны азіатской жизни. По мнѣ, все это можетъ послу-
жить къ нашему благу, тѣмъ болѣе, что мы географически
занимаемъ середину между настоящимъ Западомъ и Восто-
комъ, и что сравнительно молодое Русское Царство еще
легко можетъ одолѣть трудъ объединенія двухъ важнѣй-
шихъ частей человѣчества. Волей или неволей, по средин-
ному нашему положенію и по громадности протяженія на-
шихъ азіатскихъ границъ, даже по причинѣ текущей япон-
ской войны, мы должны принять большое участіе въ готов-
ящихся міровыхъ событияхъ. Чтобы при этомъ уцѣлѣть и

продолжать свой независимый ростъ, намъ необходимо не только быть готовыми къ отпору всякому на нась вѣнчаному насаждательству, но и всемѣрно позаботиться о такомъ своемъ развитіи, которое отвѣтило бы нашимъ особенностямъ, нашему положенію и предстоящимъ намъ дѣламъ, а для этого, конечно, первѣе всего надобно скорѣе пріяться за установление твердыхъ началъ всей нашей образованности, которая до нынѣ, сказать правду, бралась лишь на прокатъ съ Запада, а не дѣлалась нашою благопріобрѣтенною собственностью. Классическіе недостатки западноевропейскаго, преимущественно діалектическаго, образованія усилились у нась до того, что за небольшими изъятіями, относящимися преимущественно къ специализированному образованію, особенно высшему, у нась знаніе, отождествляется съ говореніемъ или изложеніемъ. Хорошо говорящій, особенно же бойко пишущій — почитается и знающимъ то, о чёмъ идетъ рѣчь. По существу это значитъ, судя по сказанному выше, что все наше образование направлено преимущественно въ сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневѣковому, и на дѣлѣ вовсе чуждо задачамъ жизненнымъ и обще-государственнымъ, для которыхъ истинное знаніе состоить въ умѣнни видѣть дѣйствительность, уловить условія, принять ихъ въ разсчетъ и сообразно со всѣмъ этимъ найти выполнимое или въ данной частности пригодное разрѣшеніе, будеть ли то постройка машины, или веденіе предпріятія, или исполненіе порученія, личное ли, или общественное дѣло. Разговоръ и слова нужны, но они только начало, вся суть жизни — въ дѣлахъ, въ умѣнни перехода отъ слова къ дѣлу, въ ихъ согласованії. Начальное и даже все среднее общее образование должны имѣть дѣло преимущественно со словомъ, а высшее — съ дѣломъ, съ жизнью, съ общественными, такъ сказать, вѣндиндивидуальными отношеніями.

Отъ этикъ общихъ или предварительныхъ соображеній пора, однако, перейти къ частностямъ, касающимся высшаго образования, потому что въ нихъ виднѣе выступятъ мысли, которыхъ мнѣ желательно высказать. Но предварительно все же считаю полезнымъ изложить, хотя и очень кратко, то, что считаю необходимымъ видѣть въ среднемъ образованіи, для того, чтобы оно могло дать свои настоящіе плоды въ жизни и преимущественно въ высшемъ образованіи. Въ

отношениі къ среднему образованію мои основныя мысли сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Нормальнымъ возрастомъ для средняго образованія должно считать періодъ отъ 10 до 16 лѣтъ. Ранѣе 10 лѣтъ неизбѣжно должно идти первоначальное обученіе грамотѣ, счету, первымъ правиламъ жизни, пріученію къ труду и началамъ религіознымъ, безъ которыхъ нельзя приступать къ среднему образованію, оттого и носящему свое название, что ему предшествуетъ начальное обученіе и за нимъ слѣдуетъ высшее образованіе. Продолжать общее среднее образованіе далѣе 16, много что 17-ти лѣтъ, по моему мнѣнію, не только совершенно излишне, но даже вредно, потому что юноша въ указанномъ возрастѣ способенъ уже понимать философскія начала, неизбѣжныя при высшемъ образованіи, и еще достаточно впечатлителенъ, чтобы въ надлежашей мѣрѣ увлечься высшими интересами избранной имъ специальности; жизненные же требования взрослаго возраста, рѣзко выступающія въ періодъ выше 20-ти лѣтъ, еще его не отвлекаютъ отъ этого увлеченія, необходимаго для того, чтобы получались истинные специалисты. Одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ современного у насъ средняго образованія, особенно въ гимназіяхъ, состоитъ именно въ томъ, что оно напрасно затягивается и изъ гимназій выходятъ уже въ томъ возрастѣ, когда растутъ усы и борода и когда пора уже бросать школьные порядки и входить въ жизнь со всѣми ея треволненіями. Знаю это по опыту, потому что всѣ 7 классовъ гимназіи прошелъ тогда, когда мнѣ еще не было 16 лѣтъ, и было это въ холодномъ Тобольскѣ, такъ что о влияніи юга здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи. Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ у меня не мало было товарищей, начиная съ К. Л. Краевича, поступившихъ въ возрастѣ 16—17 лѣтъ и успѣвшихъ затѣмъ и въ ученыи, и въ жизни. Начавъ доцентуру въ университѣтѣ въ 1856 году, я имѣлъ еще между немногочисленными своими слушателями не мало безбородыхъ юношь, горячо потомъ предавшихся наукѣ, а окончивъ свое профессорство черезъ 33 года, въ средѣ большого числа своихъ слушателей я видѣлъ преобладаніе бритыхъ или обросшихъ бородою и изъ среды ихъ выдавался менышій процентъ людей, отдавшихся наукѣ, чѣмъ то было раньше. Одну изъ главнѣйшихъ причинъ частыхъ, такъ

называемыхъ, университетскихъ беспорядковъ, по моему крайнему разумѣнію, должно видѣть именно въ томъ, что нынѣ въ Университеты поступаютъ позже, чѣмъ слѣдуетъ. Когда заговорятъ потребности, естественный въ возрастѣ выше 20-ти лѣтъ, тогда ученье и вся прелесть науки не могутъ уже такъ увлекать и захватывать на всю жизнь, какъ то дѣлается съ легкостью въ болѣе ранній періодъ. Самымъ впечатлительнымъ и вліятельнымъ для всей остальной жизни должно считать, судя по моему опыту, основанному на многихъ тысячахъ испытанныхъ мною юношами, именно возрастъ отъ 16 до 20 лѣтъ, и этотъ періодъ наибольшей умственной воспріимчивости, должно назначать прежде всего для получения или специального образования въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или по окончаніи средняго образования въ жизненномъ вступленіи въ ту или иную специальность дальнѣйшаго служенія интересамъ общества. Указанная норма конечно не исключаетъ частныхъ особенностей и Педагогическому Совѣту среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній нельзя отказать въ правѣ допускать исключенія по уважительнымъ причинамъ, но если мы желаемъ скорыхъ и явныхъ успѣховъ всего русскаго просвѣщенія, особенно высшаго и самостоятельнаго, а не одного подражательнаго, весьма важно установить указанныя выше нормы для средняго, особенно же для лицъ, ищущихъ высшаго образования. Талантливости у русскаго народа для этого найдется въ достаточномъ количествѣ, а безталанныхъ нечего и звать для высшаго просвѣщенія, потому что оно имъ не дается, они въ него идутъ не по влечению, не по требованію внутреннему, а по разсчетамъ, чужды прямымъ задачамъ просвѣщенія. Успѣть же къ 16-ти годамъ пройти все то, что въ нормѣ необходимо для общаго средняго образования, очевидно возможно, если на то было въ прежнее время множество примѣровъ и если изъ общихъ курсовъ гимназій изъять латынь и не тратить силъ и времени на переводные экзамены.

2) Во всякомъ среднемъ образованіи, т. е. въ общемъ или специализированномъ для определенной цѣли, должно преобладать развитіе въ ученикахъ индивидуальныхъ сторонъ жизненныхъ отношеній, если высшее образованіе назначается преимущественно для развитія общественныхъ или соціальныхъ сторонъ жизни, всегда сопряженныхъ со специализацией.

Индивидуальные стороны и отношения выступаютъ, во всѣхъ смыслахъ, раньше соціальныхъ, предшествуютъ имъ, но вторыя безъ первыхъ развиты быть не могутъ, а потому высшее или специальное образованіе и не можетъ достигать высшаго развитія безъ правильнаго прохожденія средняго образованія, на чьемъ основывается общеизвѣстная недостаточность одного самообразованія, направленнаго къ определенной специальности. Индивидуальные отношенія отвѣчаютъ лучшимъ чертамъ прошлой жизни человѣчества до нашихъ дней включительно, а соціальные отношенія, затѣмъ слѣдующія, настойчиво выступаютъ въ настоящее время, а въ предстоящемъ ихъ значеніе еще болѣе должно выказаться, и если въ будущемъ специалистовъ съ высшимъ образованіемъ пропорціонально будетъ больше, чѣмъ нынѣ, то это можетъ случиться только при умноженіи и усиленіи средняго образованія, ибо въ общую пользу невозможно дѣйствовать, не сознавая своей истинной пользы. Въ томъ переходномъ возрастѣ, который посвящается среднему образованію, жизненно-общественные интересы конечно уже чувствуются, но понимаются только по-дѣтски и окрашиваются своего рода романтизмомъ юности, потому что не могутъ быть сознаваемы какъ общее средство, обеспечивающее движеніе всей массы людей, а въ томъ числѣ и насть самихъ. Личное вѣдь проще общаго, съ первого и должно начинать при обученіи, т. е. при передачѣ того, чего уже люди достигли и чему учить можно. Объ общемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ кажется и не слѣдовало бы особенно много заботиться, оно придетъ само собой уже по одному тому, что всякое школьнное обученіе, само по себѣ учитъ общественности, что въ школѣ своя большая семья, что въ ней есть, какъ въ жизни, свои родители и свои братья, и что въ ней сама необходимость заставляетъ часто, много и ближе касаться всего родного, общаго, отечества. Главная задача средняго образованія состоять поэтому въ личномъ развитіи учениковъ, въ ростѣ сознательнаго ихъ отношенія къ окружающему и въ развитіи личныхъ свойствъ наблюдательности, вниманія, обсужденія и трудолюбія. Достигать этого съ древнихъ временъ полагали проще и легче всего при помощи изученія слова, потому что оно дано каждому и составляетъ въ глаза бросающееся первое отличіе людей отъ другихъ

твореній. Крайность въ этомъ правильномъ соображеніи составляетъ пресловутое классическое среднее образование, по причинамъ, которыхъ не стоитъ повторять, по ихъ общеизвѣстности. Не вдаваясь въ теоретическую критику, которой признаюсь вовсе не люблю, я считаю однако не излишнимъ повторить въ сотый разъ, что классический первообразъ, оставшійся въ умѣ съ дѣтства, привелъ классические народы, а за ними приводить и классиковъ, къ индивидуализму и мистицизму, діалектику и самообожанію, до разлада между словомъ и дѣломъ включительно. А между тѣмъ, слово само по себѣ, какъ число, есть абстрактъ, отвлеченіе отъ мелочи окружающаго, и въ образовательномъ отношеніи изученія языка по своему вліянію на развитіе сознательности, имѣть такое же значеніе, какъ математика, ибо съ одной стороны представляетъ отчетливую реальность дѣйствительности, а съ другой стороны явное отвлеченіе отъ нея и углубленіе въ самого себя, что и нужно для развитія сознательности. Но для этого, конечно, родной языкъ ближе, надежнѣе и доступнѣе всякихъ иныхъ, хотя бы и наиболѣе выработанныхъ съ формальной стороны. Поэтому изученіе русскаго языка и математики неизбѣжно положить въ основу нашего средняго образования для того, чтобы оно дало полезныхъ, сознательныхъ членовъ сложной современной общественной жизни. Естествознаніе, физика, географія, исторія, понятіе о государственныхъ законахъ и уроки Закона Божія составляютъ тотъ второй рядъ основныхъ предметовъ общаго средняго образования, который развиваетъ личную сознательность въ отношеніи къ дѣйствительной обстановкѣ и составляетъ элементарную подготовку возможности полученія высшаго или специальнаго образования. Къ двумъ указаннымъ разрядамъ предметовъ въ среднемъ образованіи необходимо (разъясненіе мнѣ кажется излишнимъ) присовокупить рядъ такихъ дополнительныхъ предметовъ, какъ рисованіе и черченіе, одинъ изъ иностранныхъ языковъ и ручной трудъ, чтобы получить программу общаго средняго образования, удовлетворяющую современнымъ потребностямъ и могущаго быть пройденнымъ въ шестилѣтній срокъ, какъ видно изъ прилагаемой примѣрной таблицы, въ которой я старался соблюсти всевозможное равновѣсіе между предъявляемыми съ разныхъ сторонъ требованиями.

Основные предметы:	Число часовых уроковъ въ недѣлю, по классамъ:						Всего.
	I	II	III	IV	V	VI	
Русскій языкъ и литература ¹⁾	5	5	5	4	4	4	27
Математика	5	5	5	4	4	4	27
Естествознаніе	1	1	1	2	2	2	9
Физика	—	—	—	3	3	3	9
Географія (русск. и всеобщая) и космографія	3	3	3	3	3	3	18
Исторія (русск. и всеобщая)	—	—	—	3	3	3	9
Русское законодѣліе	—	—	—	1	1	1	3
Законъ Божій	1	1	1	1	1	1	6

Дополнительные предметы:

Одинъ изъ иностран. языковъ ²⁾ .	2	2	2	2	2	2	12
Рисованіе и черченіе	2	2	2	1	1	1	9
Ручной трудъ, пѣніе и опыты	5	5	5	6	6	6	33
Итого на уроки въ недѣлю часовъ.	по 24	по 30					
" " " " день	по 4	по 5					162

(На промежутки между уроками отъ 5 до 30 минутъ).

¹⁾ Писаніе — съ прописей (какъ чистописаніе), съ печатного и подъ диктовку, должно, по мнѣ, войти какъ часть русскаго языка, выѣтъ съ грамматикою, синтаксисомъ, сочиненіями и т. п.

²⁾ Сверхъ того (за особую плату) для желающихъ 2—3 урока въ недѣлю латинскаго, или англійскаго, или второго иностраннаго языка. Если взглянуть на латинскій языкъ, какъ на подготовку къ возможности чтенія ясссы историческихъ весьма важныхъ иностраннныхъ сочиненій, писанныхъ на этомъ языке, то и тогда слѣдуетъ ввести практическое изученіе латинскаго языка только въ старшіе классы. Быть можетъ такой приемъ у насъ, въ виду долго длившагося періода гимназій, основанныхъ на изученіи латыни и греческаго, нынѣ и умѣстенъ (какъ я и самъ долго думалъ), но удержаться надолго впрѣдь это не можетъ, а потому мнѣ кажется пытѣ наиболѣйшѣ оставить латинскій только для желающихъ. Той пользы, которую для развитія учениковъ можетъ дать въ среднѣй образованіи латинскій языкъ, легче и во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе достигать при преподаваніи русскаго языка и древней исторіи. Для вліянія на просвѣщеніе русской юношества, какъ и вообще будущаго, латинскій языкъ столь же мало пригоденъ, какъ китайскій или еврейскій языки. Распространеніе латинскаго языка въ школахъ З. Европы свою роль въ мірѣ сыграло и опредѣлилось преимущественно тремя вліяніями: бывшимъ могуществомъ Римской Имперіи, Латинской церкви и эпохой Возрожденія. На насъ все эти три вліянія исторически прямо и сильно не дѣйствовали.

3) Съ данной подготовкой по указаннымъ предметамъ можно идти въ любое высшее учебное заведеніе, преслѣдующее не черезъ чуръ узкія практическія цѣли (напр. приготовленіе толмачей), но требуемое специальными потребностями жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что действительная польза средняго образованія для всей жизни и для прохожденія высшихъ учебныхъ заведеній, весьма сильно зависитъ отъ качества учителей, т. е. отъ ихъ вліянія на учениковъ, а не отъ одного качества предметовъ и не отъ числа учебныхъ часовъ. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что самые лучшіе учителя мало повліяютъ на подготовку и развитіе учениковъ, если ученіе будетъ лишено общаго обдуманнаго плана, допускающаго возможность развернуться разнообразнымъ способностямъ учениковъ, дающаго имъ надлежащій просторъ во времени и постоянный интересъ, безъ котораго нельзя оставить стѣда въ душѣ учениковъ. Разъяснить сказанное въ этихъ строкахъ въ подробностяхъ не считаю надобнымъ, потому что говорю о среднемъ образованіи преимущественно для выясненія своихъ мыслей, касающихся высшаго образования. Для средняго образованія, носящаго узко-специальный характеръ, напр. для среднихъ учебныхъ заведеній духовныхъ, морскихъ, коммерческихъ и т. п., равно какъ и для подготовки къ иѣкоторымъ специальнымъ занятіямъ (напр. филологическимъ), мнѣ кажется должно принять въ основаніе слѣдующія два требования: а) все предметы, требуемые въ общихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ томъ же объемѣ, какъ въ этихъ послѣднихъ, должны быть въ составѣ преподаванія всякихъ специальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній для того, чтобы изъ каждого специализированнаго средняго учебнаго заведенія кончившіе курсъ могли поступать во всякія высшія учебныя заведенія, и б) специальные предметы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ особаго рода должно располагать или въ отдѣльныхъ дополнительныхъ классахъ или между предметами обще-образовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ, чтобы въ послѣднихъ слuchаяхъ, продолжительность курса увеличивалась сообразно количеству прибавляемыхъ специальныхъ уроковъ, т. е. въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ число лѣтъ прохожденія должно быть болѣе нормального шестилѣтняго срока, напримѣръ продлено до $6\frac{1}{2}$, но не болѣе 8-ми лѣтъ. Для частныхъ среднихъ

учебныхъ заведеній, желающихъ получить для воспитанниковъ право поступать въ высшія учебныя заведенія, должно, по моему мнѣнію, поставить тѣ же основныя требования. Необходимость однообразія такихъ требованій опредѣляется тѣмъ, что главную цѣль образованія должно видѣть въ высшемъ образованіи и всѣ лица, прошедшія среднее образованіе, должны удовлетворять той нормѣ подготовкіи, которая принимается во вниманіе при составленіи программъ высшихъ учебныхъ заведеній. Если же основною цѣлью всей организаціи образованія должно считать высшее образованіе, то окончаніе курса лишь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно считать какъ бы не нормальнымъ и соответствующимъ или малой талантливости ученика, или требованію его личнаго участія въ жизни до окончанія всего образованія. Среднее образованіе вообще есть только подготовка или къ непосредственно жизненному образованію, или къ обученію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда должны входить лица лишь способныя къ тому особому труду, который необходимо требовать въ усиленныхъ размѣрахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ аттестатахъ среднихъ учебныхъ заведеній непремѣнно должно входить свидѣтельство учителей о томъ, что окончившій курсъ со стороны способностей и знаній годенъ для высшихъ учебныхъ заведеній. Если этого не стоитъ въ аттестатѣ, кончившій курсъ не лишается правъ, предоставляемыхъ по закону лицамъ со среднимъ образованіемъ, но лишается права безъ особыго специальнаго экзамена поступать въ высшія учебныя заведенія.

4) Современный порядокъ переводныхъ и окончательныхъ экзаменовъ, по величинѣ отмѣтокъ или балловъ, по моему мнѣнію, долженъ быть замѣненъ простымъ приговоромъ совѣта учителей. Поводомъ къ измѣненію служитъ для меня особенно то обстоятельство, что устный или даже письменный отвѣтъ на экзаменѣ ведетъ къ преобладанію слова надъ дѣломъ или умѣніемъ обращаться съ дѣйствительностью и всегда неизбѣжно сопряженъ съ кучею случайностей, начиная отъ болѣзни, конфузливости, заиканія и т. п. Экзамены при томъ отнимаются очень много времени, какъ отъ учителей и учениковъ, такъ и отъ успѣшнаго или внимательнаго прохожденія курсовъ. Экзамены должно считать первымъ объясненіемъ того формализма, который не рѣдко портить

многое въ жизни. Учитель необходимо долженъ знать каждого ученика, а довѣріе къ учителямъ составляетъ основу всякаго образованія. Подготовку учениковъ и ихъ способность къ продолженію образованія, учителя, должностнымъ образомъ исполняющіе свое дѣло, знаютъ гораздо вѣрнѣе непосредственно, чѣмъ при помощи какой нибудь системы балловъ. Въ прежнія времена, когда я учился въ гимназіи, соѣтъ учителей имѣлъ право переводить и при плохихъ баллахъ, которые ставились не рѣдко для того, чтобы показать ученику, что онъ не все сдѣлалъ, что могъ. Меня самого перевели изъ четвертаго въ пятый классъ и изъ пятаго въ шестой, при многихъ недостающихъ баллахъ, безъ сомнѣнія въ виду того, что общая подготовка и должностное развитіе все же у меня были и оставленіе въ классѣ только бы испортило, вѣроятно, всю мою жизнь. Дѣло обученія лежитъ на совѣсти учителей, а потому первую заботу объ образованіи должно направить въ сторону подготовки самыхъ учителей и лицъ, пекущихся объ образованіи. Мне кажется несомнѣннымъ, что уничтоженіе классныхъ отмѣтокъ подастъ добрый починъ къ уменьшенію формализма, губящаго въ Россіи много живого и талантливаго. Вотъ если обѣ подготовкѣ должно судить лицамъ, не знающимъ учениковъ, тогда конечно экзамены и имѣть отвѣщающіе баллы уничтожать нельзя, но въ обычной обстановкѣ учебнаго дѣла вполнѣ можно обойтись безъ этихъ пережитковъ стараго времени.

5) Такъ какъ вся польза для страны отъ распространенія желаемаго средняго образованія опредѣляется учителями, то въ заботахъ о подъемѣ нашего средняго образованія начинать необходимо отнюдь не съ программъ, а съ подготовки надлежащихъ учителей, о чѣмъ я предполагаю говорить въ послѣдствіи болѣе подробно, какъ обѣ лучшемъ примѣрѣ высшаго образованія. Не считая духовныхъ, военныхъ, коммерческихъ и т. п. среднихъ учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1901 году было около 180 мужскихъ и 160 женскихъ гимназій, 110 реальныхъ училищъ, 60 мужскихъ и 110 женскихъ прогимназій, всего около 630 среднихъ учебныхъ заведеній и въ нихъ около 6.000 учителей и др. педагоговъ. Общее число всѣхъ учителей всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній нынѣ нельзѧ считать менѣе 10 тысячъ. Если предположить, что каждый изъ нихъ

вынесетъ тяготы учительского положенія даже 15 лѣтъ, то возобновлять въ годъ придется по крайней мѣрѣ 600 учителей. Эта специальная потребность страны такъ важна для ея общаго блага и будущности, что невозможно предоставить ея восполненіе простой случайности и если нужны политехники для восполненія потребности въ техникахъ, то не менѣе того нужно устройство Училищъ для наставниковъ или Педагогическихъ Институтовъ. Современное вознагражденіе учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній опредѣляется отъ сорока до семидесяти рублей за годовой урокъ въ каждую недѣлю, а потому учителю приходится набирать по 4—5 уроковъ въ день, чтобы прожить сколько нибудь сносно съ семьей. Самъ я выносилъ такое число уроковъ на плечахъ когда-то, и знаю, что выносить долго никому не подъ силу, если только слѣдить за усилиями излагаемой науки, трудно даже правильно вліять на учениковъ, вникая въ ихъ особенности. Не думаю однако, что простымъ увеличеніемъ окладовъ жалованья можно сколько нибудь улучшить все дѣло просвѣщенія, зная, что любовь къ дѣлу можетъ сдѣлать мягkimъ и черствый хлѣбъ, а потому хочу сказать прежде и громче всего, что въ заботахъ о просвѣщеніи народа необходимо образовать большой запасъ учителей любящихъ свое дѣло—науки юношеству, а этого иначе достичь невозможно, какъ готовя учителей въ особыхъ Институтахъ и давая имъ тамъ живой высшій примѣръ любви къ народному просвѣщенію. Взятые въ своей массѣ наши военные моряки безспорно любятъ глубоко свое дѣло, и выносятъ эту любовь изъ своихъ учебныхъ заведеній, руководимыхъ истинными и опытными любителями его. При этомъ надо не забывать, что любовь ко всякому дѣлу хорошо уживается только съ требованіями, обусловливаемыми самымъ его существомъ, она ихъ только укрѣпляетъ; она скоро охлаждается и даже возмущается всякою ненужною регламентаціею, а потому известная степень педагогической свободы, напр. выборъ учебниковъ, пріемы исправленія, способы испытанія и т. п. должны быть предоставлены не только совѣтамъ учителей, но и отдельнымъ учителямъ. Однако жизнь все же требуетъ отъ учителей определенныхъ, съ годами возрастающихъ, размѣровъ средствъ, а потому жалованіе учителямъ необходимо съ самого начала дать примѣрно, за двѣнадцать

недѣльныхъ уроковъ, отъ 900 до 1200 руб. въ годъ, а съ годами, какъ это уже и водится, увеличивать его прибавками, черезъ каждыя три—пять лѣтъ на 10—20 процентовъ. Размеръ прибавки, по моему мнѣнію, долженъ опредѣляться ходатайствомъ совѣта учителей, въ которомъ для этой цѣли (а отчасти и для другихъ) должны быть представители отъ мѣстнаго общества въ видѣ депутатовъ отъ земства или отъ родителей, смотря по решенію главнаго мѣстнаго управлѣнія. Малая прибавка оклада жалованья, а тѣмъ паче отказъ въ этой прибавкѣ, можетъ послужить мѣрою для исправленія недостатковъ въ учительскомъ персоналѣ, а указанные эксперты будутъ лучше всякаго временно-прибывающаго и мало-освѣдомленнаго чиновнаго попечительства.

На этихъ немногихъ замѣчаніяхъ, лишенныхъ подробностей, считаю необходимымъ закончить свои мысли, относящіяся къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, потому что въ дѣлѣ народнаго блага, много зависящаго отъ просвѣщенія, ни средня, ни первоначальная школы не занимаютъ того руководящаго и опредѣляющаго положенія, которое принадлежитъ исключительно высшимъ учѣбнымъ заведеніямъ. Это утвержденіе, уже выше указанное и уже многими признаваемое, настолько существенно и настолько отличаетъ наше время отъ предшествующихъ, что надѣ нимъ полезно остановиться еще разъ. Въ исторической постепенности измѣнений можно замѣтить въ отношеніи къ высшему образованію главнѣйшую перемѣну съ того времени, когда оно считалось принадлежностью только опредѣленной касты или доли людей, подобныхъ жрецамъ, рыцарямъ, мудрецамъ и т. п. Главная перемѣна состоить въ томъ, что высшее образованіе отныне доступно въ сущности всѣмъ и каждому, способному его выѣстить. У насъ напримѣръ по закону лица крестьянскаго сословія, получившіе высшее образованіе, становятся совершино въ тотъ же разрядъ, какъ и лица другихъ сословій, тогда какъ не имѣющіе дипломовъ лица крестьянскаго сословія не имѣютъ права поступать на государственную службу. При всемъ господствѣ предубѣждений по отношенію къ неграмъ и индѣйцамъ, въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, тѣ изъ негровъ и индѣйцевъ, которые прошли высшія учебныя заведенія, въ дѣйствительности получаютъ равноправность и доступность ко всѣмъ общественнымъ областямъ.

дѣятельности. Китай въ этомъ отношеніи первый далъ исторической примѣръ, не имѣя никакихъ отдѣльныхъ сословій и предоставляя лишь лицамъ, получившимъ высшее образованіе, право быть мандаринами вообще главными исполнителями правительственныхъ функций. Во всемъ мірѣ дѣло клонится въ сущности въ ту же сторону, и мнѣ пришлось въ 1902 году слышать въ Парижѣ, въ средѣ просвѣщеннѣйшихъ людей, горячую проповѣдь о томъ, чтобы въ будущемъ избирательный цензъ опредѣлялся не величиною вносимыхъ податей, а высотою образовательного ценза, при чмъ совершенно правильно понималось какъ то, что по природнымъ различіямъ людей не всѣ и каждый способны достичь тѣхъ высшихъ требованій, какія необходимо выполнить для получения высшаго образованія, такъ и то, что дипломъ высшаго учебнаго заведенія не составляетъ еще гарантіи полнаго равенства всѣхъ дипломированныхъ и что высшія качества опредѣляются не столько простымъ знаніемъ прежней мудрости въ данной специальности, сколько личнымъ участіемъ въ дальнѣйшей разработкѣ предметовъ наукъ, искусствъ и знаній. Другая историческая перемѣна въ коренныхъ понятіяхъ, относящихся къ высшему образованію, состоить въ томъ, что въ прежнія времена, почти вплоть до послѣднихъ вѣковъ новой исторіи и до времени дѣйствительного учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. университетовъ, высшее образованіе почиталось способнымъ обнять всю совокупность знаній времени, нынѣ же оно признается только за специалистами въ данной области знаній, искусствъ или науки. Основывая въ память своего умершаго сына въ 1891 году въ Калифорніи на свои громадные средства новый университетъ въ Пало-Альто (The Leland Stanford Junior University), Станфордъ отлично выразилъ эту мысль, сказавши такъ: „Въ древности казалось, что философъ долженъ знать все и обо всемъ; нынѣ же увидѣли, что этого никому нельзя обнять, и современный философъ долженъ знать все о чмъ нибудь, и что нибудь обо всемъ“. Сущность этой перемѣны опредѣляется, по моему мнѣнію, преимущественно не обширностью накопившагося запаса мудрости людской, а тѣмъ, что въ былое время людское самомнѣніе стремилось охватить начало всѣхъ началь, но запуталось, пришло къ непримируемыхъ противорѣчіямъ и смирившись стало признавать недоступное познанію, а въ томъ,

что доступно, стало искать при помощи наблюдений и опытовъ, непоколебимыхъ законовъ, при помощи которыхъ стало быстрѣе овладѣвать природой, чѣмъ то было ранѣе. „Вѣчныя истины“, о которыхъ такъ много говорилось покойнымъ мономъ другомъ Н. Н. Страховымъ въ его преніяхъ со спиритами, безъ сомнѣнія, нашлись въ согласіи умозрѣнія съ наблюдениемъ и опытомъ, но не въ тѣхъ абстрактныхъ областяхъ, въ которыхъ ихъ гордо искали прежде, а въ тѣхъ конкретныхъ, гдѣ есть мѣсто наблюденію и опыту, рядомъ съ умозаключеніемъ и повѣркой. Это и придало высшему образованію характеръ специализаціи. При этомъ предполагается и въ дѣйствительности оказывается, что приемы для возможнаго достижения хоть частей истины, если и не разоблаченія ея во всей полнотѣ, повсюду, т. е. во всѣхъ областяхъ въ сущности одни и тѣ же. Оттого то Маколей выставляетъ всеобъемлемость такихъ людей, какъ Данть, Микель-Анжело и т. п. Они сосредоточиваются на частностяхъ, а не витаютъ въ однихъ абстрактахъ, потому что эти не прочны, потому что не доступны, а тѣ касаются вѣчныхъ истинъ, потому что доступны. Съ своей стороны я не думаю, что высшіе специалисты въ наукахъ и искусствахъ, способны быть лучшими законодателями или правительственныеыми чиновниками, потому что и это дѣло я считаю такимъ специальнымъ, которое требуетъ своего особаго изученія и своихъ особыхъ склонностей. Сверхъ сказанного нельзя упустить для пониманія современнаго положенія высшихъ учебныхъ заведеній изъ виду, ни того, что изъ этихъ заведеній выходятъ главнѣйшиe руководители всѣхъ отраслей современной сложной и раздѣльной по специальностямъ жизни, отъ военноначальниковъ, пастырей церкви и учителей, до администраиковъ, техниковъ, художниковъ и литераторовъ, ни того, что здѣсь учать не только крайнимъ предѣламъ пониманія долей истины, добра и красоты, но и способамъ личнаго достижения дальнѣйшаго ихъ отысканія, т. е. подводятъ къ самому алтарю просвѣщенія, ни даже того, что высшія учебные заведенія проходятся въ возрастѣ, опредѣляющемъ всю послѣдующую дѣятельность людей, когда слагаются отъ воспринимаемаго, болѣе или менѣе независимо отъ условій окружающей жизни, твердыя и сознательныя унованія и убѣждѣнія, кладущія на весь строй дальнѣйшей жизни свой неблестя-

шій, но явный отпечатокъ, тѣмъ болѣе увеличивающійся, чѣмъ болѣе эти упованія и убѣжденія прямѣе происходятъ изъ чистаго источника исканія правды, а отъ нея истины, блага,—а отъ него добра, и красоты, а отъ нея и внутреннаго удовлетворенія. Физическая невозможность узнать „все обо всемъ“ до того проникаетъ все дѣло высшаго образованія, что нерѣдко всезнаніе почитается признакомъ ограниченности и тѣхъ добрыхъ желаній, которыми устilaется современный адъ отчаянія и сверхчеловѣчества. Даже и „все о чёмъ нибудь“, напр. хоть бы объ химіи, или о желѣзныхъ дорогахъ, немыслимо сообщить и воспринять ни въ какомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Да и не надобно этого для истинныхъ цѣлей высшаго образованія, т.-е., съ одной стороны, для возможно реального пониманія и исканія безконечнаго, хотя въ его доляхъ, а съ другой стороны, для умѣлаго приложенія узнанного къ конкретнымъ частностямъ, будутъ ли то пушки или мосты черезъ рѣку, или разбрать письменныхъ памятниковъ, или определеніе и лечение органической или нравственной болѣзни, или даже простое и ясное выраженіе или изображеніе дѣйствительности. Въ этомъ соединеніи абстрактно безконечнаго съ конкретною дѣйствительностью весь смыслъ высшихъ учебныхъ заведеній. Это соединеніе недоступно въ начальномъ возрастѣ, къ нему надобно имѣть своего рода склонность и способность, оно дается не каждому, потому что не все люди равны по способностямъ и склонностямъ, по вдумчивости и настойчивости. Но то образованіе, въ которомъ нѣтъ этого соединенія абстрактнаго съ конкретнымъ, гдѣ есть только перечисленіе узнанныхъ, рецептовъ, не можетъ быть почитаемо высшимъ, хотя можетъ быть признано и очень узко специальнымъ, не только прикладнымъ, но и абстрактнымъ. Оттого-то нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній и въ нихъ факультетовъ или отдѣленій чисто философскихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ абстракты были бы исключительны предметомъ изученія. Оттого-то на математическомъ факультете повсюду, сверхъ абстрактовъ математики, видимъ конкреты астрономіи, механики и физики. Оттого-то философія права составляетъ лишь небольшую долю, хотя и энциклопедическую, юридического факультета. А такъ какъ при всей своей конкретности слово есть по преимуществу абстрактъ, то ближайшее или спе-

ціальне изученій філософії вездѣ относится къ словесному или філологическому факультету, гдѣ історія обыкновенно играєть роль конкретной стороны изученія. Оттого-то въ такихъ на взглядъ узко конкретныхъ или прикладныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы, напримѣръ, артилерійская академія, політехнікумы, инженерные институты и т. п., высшее образованіе начинается всегда со столь отвлеченныхъ предметовъ, какъ высшая алгебра, диференціали и интегралы, какъ воображаемыя движенія и сочетанія атомовъ въ совершенно до нынѣ абстрактной средѣ, называемой свѣтовымъ или міровымъ эфиромъ. Чинить и даже строить мосты, лѣчить и лѣлать всякия другія практическія дѣла, конечно, можно по рецептамъ, по наглядкѣ, но прямо, судя по опыту, оказывается, что наилучшимъ способомъ, т. е. наивыгоднѣйшимъ по затратѣ времени, средствъ и силъ, практическія дѣла дѣлаются, только исходя изъ общихъ началь, только признакомствѣ съ абстрактами, до нихъ относящими, съ тѣми интегралами, атомами и невидимыми движеніями, прямую пользу которыхъ первоначально вовсе не улавливаютъ. Только абстрактъ, соединенный съ провѣренными опытами и наблюденіями, даетъ увѣренность въ предстоящемъ еще невидимомъ результатѣ, въ ожидаемомъ, какъ въ настоящемъ. Когда нибудь впереди, быть можетъ, и будетъ время, въ которое прямо съумѣютъ и въ сложныхъ научныхъ предметахъ переходить помимо абстрактовъ, всегда имѣющихъ дѣло болѣе или менѣе съ безконечностью, прямо отъ ощущаемыхъ конкретовъ, къ будущимъ и ожидаемымъ конкретамъ, подобно тому, какъ судятъ о наступленіи дня послѣ ночи, но донынѣ этотъ переходъ, въ огромномъ рядѣ заключеній, строго возможенъ только при помощи абстрактовъ, т. с. отвлеченныхъ гипотезъ, имѣющихъ всегда лѣло съ вещами, прямо непознаваемыми. Возможность въ будущемъ такого непосредственного и прямого перехода отъ извѣстныхъ конкретовъ къ неизвѣстнымъ отрицать нельзя, потому что столь основные законы, какъ, напр., законъ тяготѣнія въ астрономіи и физикѣ или законъ періодичности въ химіи, по существу своему получены изъ опытовъ и наблюденій и абстрактами вовсе донынѣ не выясняются, не развиваются и не дополняются, а между тѣмъ даютъ возможность предугадывать множество конкретныхъ частностей. Но, ссылаясь на такую возможность,

ни въ наше время, ни въ предвидимое ближайшее, нельзя ограничиваться однимъ знакомствомъ съ конкретными выводами для того, чтобы сколько нибудь обладать ими, а необходимо возвыситься до абстрактнъ, потому что они кратко резимируютъ множество конкретовъ. Въ этомъ сочетаніи конкретнаго или дѣйствительнаго съ абстрактнымъ или отвлеченнымъ и должно видѣть настоящій смыслъ высшихъ учебныхъ заведеній и главную трудность ихъ прохожденія, состоящую поэтому преимущественно въ согласованіи слова (отвлеченій, абстрактнъ) съ дѣломъ (дѣйствительностю, конкретомъ) и въ умѣніи, насколько то доступно людямъ, предвидѣть предстоящее, на основаніи существующаго и прошлаго. Такіе люди, которые способны видѣть хоть немного впередъ, хоть не вездѣ, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ, очевидно нужны странѣ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ безъ сомнѣнія лучше, ихъ то и стремятся получить или образовать высшія учебныя заведенія, для того то они и сочетаются конкретъ съ абстрактомъ. Современная мудрость не прячется, не назначается для отдѣльныхъ частей, все найденное передаетъ или словомъ слушателямъ высшихъ учебныхъ заведеній, или печати въ специальныхъ изданіяхъ, назначаемыхъ для сообщенія вновь произведенныхъ научныхъ изслѣдований, чтобы слѣдующія поколѣнія превосходили современные. На этомъ фундаментѣ возводится зданіе не кончающагося движения впередъ или прогресса, и если древность вывела плотьтворный возгласъ: „горе побѣженнымъ“ (*vae victis!*), то современность можетъ провозгласить еще сильнѣ: „горе отсталымъ!“ Оба эти возгласа, такъ сказать, пышать нигилизмомъ или показываютъ оборотную сторону медали, на лицѣ которой написано, что благо народное неразлучно съ дѣятельною защитою страны и съ широкимъ просвѣщеніемъ, знакомымъ съ достигнутымъ и достигающимъ еще дальнѣйшаго въ постиженіи истины.

Такъ какъ все это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ общественнымъ устройствомъ и можетъ быть достигимо только въ отдѣльности и немногими изъ находящихъ подготовку въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то эти послѣднія назначаются не просто для полученія чрезъ обученіе высоко развитыхъ отдѣльныхъ лицъ, не для простого удовлетворенія ихъ личныхъ требованій, а прямо для полученія полезныхъ

для общества дѣятелей. При томъ, знаніе однихъ задовъ, т. е. уже извѣстнаго, не удовлетворяетъ прямому назначенію высшихъ учебныхъ заведеній, они должны воспитывать лицъ, могущихъ самостоятельно затѣмъ идти въ область неизвѣстнаго, пытливыхъ, обладающихъ всѣми основными способами, необходимыми для достижения еще неизвѣстныхъ областей знанія и всегда помнящихъ, какъ говорилъ мой незабвенный профессоръ Александръ Абрамовичъ Воскресенскій, что: „не боги горшки обжигаютъ“, а въ то же время твердо знающихъ, что съ голыми руками да съ игрой воображенія сдѣлать ничего существенного нельзя, хотя говорить можно и безконечно много. Изъ сотенъ слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, конечно, только отдельныя единицы могутъ удовлетворить этому основному требованію, остальные же пойдутъ по слѣдамъ уже протореннымъ, но все же внесутъ во всю свою дѣятельность особый оттѣнокъ, налагаемый тою близостью, въ которой должны быть высшія учебныя заведенія къ самому алтарю знаній. Для указанной главнѣйшей цѣли высшія учебныя заведенія должны обладать профессорами, не только знающими свою специальность, но и влагающими въ ея сокровищницу новые вклады, чтобы быть живыми примѣрами вѣрности въ оцѣнкѣ рекомендуемыхъ ими приемовъ. Для этой же цѣли высшія учебныя заведенія непремѣнно должны быть снабжены обширными библіотеками, музеями, клиниками, лабораторіями и т. п. пособіями, при помощи которыхъ учащіеся подъ опытнымъ руководствомъ могли бы готовиться къ самостоятельной дѣятельности, какъ въ скромной области приложенія современныхъ знаній къ дѣйствительности, такъ и въ смѣлыхъ попыткахъ движения знаній впередъ. Эти пособія больше всего помогаютъ личному умѣнію, если лекціи помогаютъ дѣйствительному знанію и имъ заражаютъ слушателей. Сочетаніе умѣнія со знаніемъ болѣе всего характеризуетъ современные высшія учебныя заведенія, и явно отличаетъ ихъ отъ подобныхъ учрежденій древняго и сравнительно недавняго прошлаго времени, когда все лѣло вышшаго просвѣщенія считалось въ развитіи индивидумовъ, способныхъ философски относиться ко всяkimъ предметамъ. Древность поручала дѣйствительныя дѣла рабамъ, и въ концѣ концовъ опиралась на слово и софистику, сгубившую ее своими противорѣчіями. Другая крайность

считающая всю суть въ умѣни, живущемъ подражаніемъ, развилась подъ знаменемъ ученій материалистовъ, подобныхъ соціалистамъ и комунистамъ. И для нихъ, несмотря на красивыя названія, все дѣло сводится на индивидуумовъ, только уже не относительно ихъ внутренняго, преимущественно умственного и нравственного строя, а относительно ихъ внѣшняго благополучія. Если для софистовъ нужны школы исключительно только философскія, какихъ нынѣ нигдѣ и не существуетъ, то для современныхъ материалистовъ нужны школы только ремесленныя или профессиональныя. Первымъ — дай только абстрактъ, вторымъ — лишь конкретъ. Высшія учебныя заведенія современаго типа избѣгаютъ двухъ указанныхъ крайностей и въ сочетаніи знанія съ умѣніемъ нашли должный исходъ.

Понимая въ указанномъ смыслѣ значеніе высшихъ учебныхъ заведеній, мнѣ кажется, легко вывести много практичеcкихъ слѣдствій, до нихъ относящихся. Между ними приведу немногія, считаемыя мною за важнѣйшія.

1) Высшія учебныя заведенія должны быть доступны для всѣхъ, подготовленныхъ къ воспріятію тѣхъ специальностей, для которыхъ они назначаются. Это значитъ, что лица, успѣвшія въ прохожденіи курса среднихъ учебныхъ заведеній, должны быть допускаемы въ высшія учебныя заведенія всякаго рода, безъ ограниченія такими перегородками, какъ сословныя или специализированныя. Этимъ я хочу сказать, напримѣрь, то, что изъ духовныхъ семинарій, кадетскихъ корпусовъ и реальныхъ училищъ необходимо допускать въ высшія учебныя заведенія такъ же свободно, какъ въ университеты допускаются свободно кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, если для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній установленъ будетъ твердый планъ непремѣнныхъ требованій, подобныхъ тѣмъ, которыя выше изложены на страницѣ 252. Широта доступа въ высшія учебныя заведенія, по моему крайнему разумѣнію, вполнѣ необходима, потому что по отношенію къ основной цѣли высшихъ учебныхъ заведеній вполнѣ приложимо изреченіе: „много званыхъ, но мало избранныхъ“, и болѣе всего приложимо понятіе о томъ, что между избранными будутъ лишь немногіе, отвѣтившіе первичной цѣли учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній, т. е. стремленію странъ и народовъ имѣть своихъ „Платоновъ“ и

Невтоновъ". Если не будетъ большого выбора, если не будеть призыва ко всѣмъ, могущимъ вмѣстить, не можетъ быть и вмѣщающихъ, т. е. если мы, русскіе, хотимъ развиваться самостоятельно, исходи изъ общихъ началь жизни и пользуясь свѣтомъ, развиваляемъ всегда лишь исключительно немногими лицами, мы должны имѣть и много высшихъ учебныхъ заведеній и много во всѣхъ нихъ слушателей. Стремленіе къ тому, очевидно, уже существуетъ, если ежегодно узнаемъ, что и достойнымъ нѣтъ входа въ высшія учебныя заведенія изъ-за недостатка мѣстъ. Большого числа студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній нѣть никакого основанія бояться, какъ боялся того пресловутой памяти графъ Д. А. Толстой и его темные приспѣшники, потому что высшее учебное заведеніе, правильно поставленное и обставленное должнымъ образомъ надлежащими профессорами, не можетъ служить ни къ чему иному, какъ къ развитію истиннаго просвѣщенія въ странѣ, а безъ него страна не можетъ правильно и самостоятельно двигаться впередъ и готовиться къ предстоящей ей будущности. Изъ того, что двери высшихъ учебныхъ заведеній должны быть широчайшимъ образомъ открыты у насъ для всѣхъ подготовленныхъ, вовсе не слѣдуетъ, что они должны быть широко открыты для всѣхъ, потому что толпа мѣшаетъ теченію академической жизни, и никакія библіотеки, лабораторіи и т. п. пособія, даже никакія аудиторіи не могутъ вмѣстить всѣхъ, стремящихся къ высшему просвѣщенію безъ должной подготовки, и, ограничиваясь плодами слова, не способны воспринять умѣнія, болѣе всего требуемаго высшимъ образованіемъ. Изъ многихъ, входящихъ въ высшія учебныя заведенія, даже и съ вполнѣ надежною подготовкою, судя по аттестатамъ среднихъ учебныхъ заведеній, конечно не всѣ могутъ воспринять философскія и практическія начала, излагаемыя въ аудиторіяхъ. Надо сумѣть сдѣлать яснымъ для самихъ мало способныхъ, или мало прилежныхъ, ихъ непригодность для избраннаго дѣла и надо не жалѣть объ этихъ исключасмыхъ, потому что жизнь открываетъ просторъ для всѣхъ и надо сдѣлать яснымъ, что высшее образованіе, давая свои права, налагаетъ и свои тяжелыя обязанности и жизнь безъ нихъ въ обычной нормѣ пожалуй легче. Но для того, чтобы такое убѣженіе привилось въ дѣйствительность, необходимо, чтобы

самый законъ дѣлалъ прохожденіе обычной средней жизни, не выдающихся своими способностями, людей сносною и легко проходимою, для чего болѣе всего и нужно развитіе промышленности, въ которой найдутъ заработки лица, со всякою степенью научной подготовки.

2) Если начальный періодъ жизни низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и можно предоставить частной и общинной иниціативѣ, безъ прямого воздействиа правительства, какъ это долго было въ Англіи, а отчасти существуетъ повсюду и до нынѣ, то это отнюдь не относится къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ вообще, а особенно въ современной Россіи, гдѣ частная и общинная иниціатива и ихъ средства мало развиты. Не только учрежденіе, но и содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ организація должны составлять одну изъ первѣйшихъ заботъ правительства, пекущагося о полнотѣ блага народнаго, о сохраненіи самобытности страны и о всѣхъ основныхъ началахъ ея существованія. Правительство, понимающее свое современное положеніе, должно ставить высоко все значеніе высшихъ учебныхъ заведеній, хотя бы отдѣльные члены правительства и полагали, какъ утверждалъ графъ Д. А. Толстой, что для современного у насъ положенія вещей нѣтъ большой надобности въ университетахъ, т. е. въ большомъ числѣ лицъ, стремящихся обнять современную истину въ ея частностихъ. Но изъ того, что правительство, заботящееся о будущности народной, должно открывать и вызывать высшія учебныя заведенія, вовсе не слѣдуетъ того, чтобы оно могло руководить ими во всѣхъ ихъ отправленіяхъ, потому что въ дѣлѣ просвѣщенія, какъ въ религіи и искусствѣ, нужны совершенно особые люди, ничѣмъ прямо не связанные съ тѣми функциями, для которыхъ назначается правительство, нужны профессора-специалисты, которые одни могутъ вліять на юношество такъ, какъ должно по вышеизложенному, т. е. подводить ихъ къ самому алтарю знанія и играть при немъ ту роль, какую первосвященники играютъ въ отношеніи религіи, а художники по отношенію къ искусству. Это значитъ, что руководительство и выполненіе всего дѣла высшаго образованія должно быть довѣрено профессорамъ, предоставлено имъ научной и нравственной ответственности, а все вліяніе правительства на весь ходъ высшаго просвѣщенія должно

состоять поэту только изъ двухъ частей. Первую и главнѣйшую часть этого вліянія должно видѣть въ составленіи уставовъ или законовъ, которымъ обязательно следовать прежде всего самимъ профессорамъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ ихъ слушателямъ. Вторая сторона правительственаго вліянія должна ограничиваться, по моему мнѣнію, лишь утвержденіемъ тѣхъ профессоровъ, которымъ ввѣряется руководство всѣмъ учебнымъ заведеніемъ, и поощреніе ихъ дѣятельности на пользу юношества и истиннаго просвѣщенія, т. е. преимущественно дальнѣйшаго разысканія истины или ихъ научныхъ трудовъ. Не тотъ профессоръ долженъ получать высшее правительственное одобреніе, который только блюдетъ законы и только сообщаетъ юношеству признанныя истины, но тотъ, который сверхъ того личнымъ примѣромъ даетъ образцы того, для чего назначаются высшія учебныя заведенія, т. е. тотъ, который наиболѣе вноситъ въ науку самостоятельнаго, новаго. Профессоровъ, къ этому неспособныхъ, т. е. способныхъ лишь повторять зады и ихъ излагать, мало для высшихъ учебныхъ заведеній, хотя безъ нихъ дѣло обойтись не можетъ и хотя въ управлениі высшимъ учебнымъ заведеніемъ и имъ надо дать извѣстное мѣсто, однако преобладающее значеніе во всѣхъ отношеніяхъ должны получать лишь тѣ профессора, которые продолжаютъ идти впередъ и заражаютъ своими стремленіями массу потомства.

Все управление высшимъ учебнымъ заведеніемъ, по моему мнѣнію, должно быть ввѣряемо Совѣту профессоровъ-руководителей, избирающему изъ своей среды на определенные сроки одного изъ своихъ членовъ, называемаго или директоромъ, или ректоромъ, и снимающаго съ Совѣта всѣ тяготы дѣйствительнаго вмѣшательства во множество частностей, неизбѣжныхъ въ каждомъ учрежденіи, а тѣмъ болѣе въ высшемъ учебномъ заведеніи, снабженномъ всякаго рода пособіями и имѣющимъ много слушателей. Этому директору или ректору необходимо имѣть для завѣдыванія всѣми внѣшними сторонами дѣла особое правленіе, состоящее отчасти изъ профессоровъ, отчасти изъ особыхъ чиновъ, привыкшихъ къ подобнаго рода дѣламъ и назначаемыхъ правительствомъ по выбору Совѣта.

Членами Совѣта, по моему мнѣнію, могутъ быть только тѣ изъ профессоровъ, которые уже прослужили лѣтъ 10 по

вѣдомству просвѣщенія и, по крайней мѣрѣ, года 2 или 3 пробыли преподавателями того заведенія, въ Совѣтѣ кото-
раго они участвуютъ. Это необходимо для того, чтобы все
участники руководящаго Совѣта были людьми опыта и имѣли
время вникнуть въ дѣйствительныя надобности даннаго учеб-
наго заведенія со всѣми его особенностями ¹⁾). Члены руко-
водительного совѣта избираются имъ самимъ, но утверждаются
правительствомъ.

Предоставляя завѣдываніе высшими учебными заведе-
ніями Совѣту профессоровъ-руководителей, правительство
окажеть то довѣrie, безъ котораго невозможно истинное
просвѣщеніе.

При этомъ нельзя закрывать глазъ на то, что возможны
будутъ единичные случаи всякаго рода злоупотреблений, но
прежде всего должно помнить, что безъ довѣрія тутъ ни-
чего сдѣлать нельзя и что нѣкоторые недостатки неизбѣжны
въ каждомъ людскомъ дѣлѣ. Но для того, чтобы всегда оста-
валась должна доля правительственноаго вліянія на ходъ
дѣла въ данномъ высшемъ учебномъ заведеніи, мнѣ кажется,
было бы полезнымъ возобновлять чрезъ 10 лѣтъ для каждого
члена руководительного Совѣта утвержденіе правительствомъ
въ званіи члена Совѣта, потому что для меня мыслимы такіе
случаи, когда профессоръ удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ на-
учнымъ и педагогическимъ требованіямъ, но не можетъ быть
хорошимъ совѣтникомъ въ дѣлѣ руководства учебнымъ заве-
деніемъ. Этимъ я хочу сказать, что между профессорами могутъ
быть такие, которымъ вполнѣ можно довѣрить чтеніе лек-
цій и руководство занятіями студентовъ безъ назначенія...

¹⁾ Нѣкоторая небрежность въ этомъ отношеніи можетъ испортить
всѣ дѣло и исправлять его потомъ весьма трудно. Для вновь откры-
ваемыхъ, высшихъ учебныхъ заведеній, конечно, должно сдѣлать изъятіе
изъ указанного положенія, т. е. само учреждавшее правительство
должно назначить членовъ Совѣта. И если вновь учреждаемое учебное
заведеніе назначается къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, для которыхъ однѣ
и должны назначаться высшія учебныя заведенія, правительство не
оставитъ безъ вниманія того соображенія, что руководить труднымъ
дѣломъ высшаго образования могутъ хорошо лишь лица, не только силь-
ные въ наукѣ, но и знающія весь ходъ дѣлъ высшихъ учебныхъ заве-
деній. Изъ многихъ примѣровъ я знаю, что результаты высшихъ учеб-
ныхъ заведеній чрезвычайно сильно зависятъ отъ умѣлаго перво-
начального выбора профессоровъ-руководителей.

однако, ихъ въ составъ Совѣта. Но для того, чтобы въ этомъ отношеніи соблюдалась должна мѣра и не было господства случайности, Уставъ каждого высшаго учебнаго заведенія долженъ опредѣлить наименьшес число членовъ Совѣта и вообще всѣ тѣ условія, которымъ всѣ эти члены должны удовлетворять. Для правильнаго пониманія предмета, однако, нельзя забывать, что въ рукахъ правительства всегда должно находиться право утверждать въ званіи профессора, хотя выборъ профессоровъ должно предоставить руководительному Совѣту на основаніи точно обозначенныхъ условій, въ число которыхъ должно, по моему мнѣнію, включать и рекомендацию кандидатовъ известными учеными другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или ученыхъ учрежденій.

Сущность того, что я хочу здесь сказать, сводится къ тому, что, помимо профессоровъ, никто не можетъ влиять на результаты учебныхъ заведеній, а странѣ, какъ и ея правительству, нужны лишь эти результаты.

3) Въ настоящее время у насъ существуютъ высшія учебныя заведенія чрезвычайно многихъ вѣдомствъ: духовнаго, военнаго, морскаго, Министерства Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ, Путей Сообщенія, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, и т. п. Такой порядокъ имѣть свои хорошия стороны въ неріодъ розысканія надлежащаго типа высшихъ учебныхъ заведеній, потому что разныя вѣдомства стремятся осуществить различные типы и имѣютъ въ виду тѣ специальности, ради которыхъ сами учреждены. При помощи разсмотрѣнія уставовъ и частностей въ такихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, какъ Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ, достигается единство пріемовъ и плановъ, но все же дѣло, по существу однородное, оказывается раздробленнымъ до крайности и отъ того во многихъ отношеніяхъ страдаетъ, а въ послѣднее время даже и запутывается до того, что, напр., сельско-хозяйственное высшее образованіе дается не только въ институтахъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, но и въ Политехническихъ институтахъ, находящихся отчасти въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, отчасти подъ управлениемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ напр. въ Рижскомъ политехникумѣ и Горыгорецкомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ.

Общеизвестная всемъ и весьма бѣдственная разнъя разныхъ нашихъ вѣдомствъ усугубляетъ недостатки такой системы. Первымъ важнейшимъ способомъ ея исправленія, по моему мнѣнію, должно служить объединеніе нашихъ министерствъ, необходимость чего я постараюсь выяснить, когда буду говорить о тѣхъ поправкахъ, которыя, по моему мнѣнію, необходимы въ нашей правительственной системѣ. Не желаю я сказать всемъ этимъ, что всякая высшая учебная заведенія должно пріурочить или подчинить одному вѣдомству Просвѣщенія, но полагаю, что дѣло просвѣщенія Россіи много выиграетъ, когда большинство учебныхъ заведеній будетъ соединено подъ однимъ управлениемъ, которое, какъ было сказано уже выше, преимущественно должно устанавливать уставы, блюсти ихъ исполненія и всемѣрно заботиться о снабженіи ихъ научными силами, отвѣщающими времена и потребностямъ. Здѣсь я не стану входить въ какія-либо подробности, потому что убѣжденье, что все дѣла этого рода зависятъ преимущественно отъ лица, поставленного во главу этого дѣла, а для него излишни какія-бы то ни были частные указанія. Обращу лишь вниманіе на то, что желаемое объединеніе поведетъ за собой даже и экономію въ содержаніи высшихъ учебныхъ заведеній, не столько потому, что въ каждомъ министерствѣ имѣются особья отдѣленія или департаменты для завѣдыванія высшими учебными заведеніями, сколько потому, что дробленіе высшихъ учебныхъ заведеній достигаетъ совершенно нежелательныхъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ числится не только общіе сельско-хозяйственные институты, но и для такой отдѣльной специальности, какъ лѣсная — отдѣльное учебное заведеніе. Присоединеніе лѣсной специальности къ сельско-хозяйственной столь естественно, что не требуетъ особыхъ доказательствъ, а такое присоединеніе поведетъ за собою сокращеніе повтореній, а потому и каѳедръ. Такъ, физика, химія, ботаника, политическая экономія и тому подобные предметы для разныхъ факультетовъ такого института могутъ быть читаны совмѣстно, какъ это идетъ напр. въ университетахъ и политехникумахъ по многимъ предметамъ. Притомъ я полагаю, что общее число высшихъ учебныхъ заведеній сокращать отнюдь не должно, а слѣдуетъ только узко специализированныя расширять до надлежа-

шихъ предѣловъ, чтобы ить одноть заведеніи соединялись однородныя или близкія специальности. Это видно во многомъ. Почтово - телеграфное вѣдомство, очевидно, нуждается въ высшихъ специалистахъ, и потому устроило свой Электротехническій Институтъ, по Электротехнику, правда, съ другой стороны, т. е. не со стороны телеграфовъ, а со стороны двигателей, электрометаллургіи и т. под., входитъ въ составъ Политехникумовъ и Технологическихъ Институтовъ и при соединеніи съ ними, очевидно, выигралось бы не мало средствъ, необходимыхъ для учрежденія столь нынѣ уже настоятельныхъ новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ томъ же министерствѣ имѣется Строительный Институтъ, престѣдующій тѣ же цѣли, по существу, какіе и архитектурное отдѣленіе Академіи Художествъ и строительное отдѣленіе нѣкоторыхъ Политехникумовъ и отчасти Института Путей Сообщенія. Вполнѣ убѣжденъ, что никакіе соображенія подобнаго рода не приведутъ къ надлежащему результату, пока у насть не объединятся министерства при помощи учрежденія первого министра, а потому, если я касаюсь указанного объединенія, то лишь въ виду того, что считаю чрезвычайно важнымъ и своевременнымъ усилить у насть число высшихъ учебныхъ заведеній, а это было бы въ денежномъ отношеніи очень накладно для страны, если бы не осуществилось объединеніе многихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

4) Зачатки публичнаго высшаго образованія, существовавшіе въ древней Греціи, несомнѣнно носили характеръ: во-первыхъ, чисто философскій, во-вторыхъ, обученія у отдѣльныхъ преподавателей и, въ третьихъ, въ видѣ частныхъ школьніхъ учрежденій. Первые слѣды возникновенія объединеннаго, правительствомъ учрежденнаго, высшаго обученія, сколько мнѣ известно, возникли въ Римѣ при Веспасіанѣ, разорившемъ Іерусалимъ, въ 69—79 годахъ по Р. Хр., такъ какъ тогда учреждено было преподаваніе Риторики и оно велось на средства государственныя. Въ XI—XII столѣтіи, подъ вліяніемъ преимущественно папскимъ, возникли высшая Юридическая Школа въ Болоньї и Парижскій Богословскій Факультетъ.

Высшее медицинское образованіе началось вскорѣ затѣмъ, но и оно носило характеръ преимущественно философскій и открылось съ папскаго разрешенія.

Умножение практическихъ потребностей, уже видное въ устройствѣ Юридическихъ и Медицинскихъ школъ, выразилось вскорѣ затѣмъ, преимущественно въ XIII и XIV вв., устройствомъ первообразовъ университетовъ, учрежденныхъ правительствами сперва еще съ разрѣшенія и подъ покровомъ панства. На правительственные средства въ 1213 г. возникъ Парижскій Университетъ, а около 1250 г. Оксфордскій и Кембриджскій, 1347—Пражскій, 1365—Вѣнскій, 1385 г.—Гейдельбергскій, а затѣмъ начали развиваться университеты и въ разныхъ иныхъ мѣстахъ всегда съ факультетами Богословскимъ, Юридическимъ, Медицинскимъ и Философскимъ. Подъ этимъ послѣднимъ подразумѣвается совокупность отдѣленій: филологического, исторического, математического и естествознанія. Хотя въ прошедшіе съ тѣхъ поръ 600 лѣтъ очень многое измѣнилось въ мірѣ, но университеты и понынѣ въ образованіи народовъ продолжаютъ занимать первостепенную роль; они служатъ и понынѣ образцомъ для всѣхъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній; здѣсь развились специализація и философское направленіе высшаго образования.

Обученіе у высшихъ мастеровъ въ данной специальности въ университетахъ стало пріурочиваться къ общему образованію, ибо эти мастера пріобрѣтали въ университетахъ большую независимость, общеніе и небывалый приливъ учениковъ, что и дало много ясныхъ результатовъ, послужившихъ поводомъ къ распространенію такихъ высшихъ учебныхъ заведеній повсюду. Та подражательность или слѣдованіе за началами данной школы, которою характеризуется вся образованность съ древнѣйшихъ временъ, нашла здѣсь свое особое удовлетвореніе значительно дополнившимъ общеніемъ, имѣющимъ свое громадное влияніе на подростающее поколѣніе, потому что въ университетахъ, какъ вообще въ школахъ, учащіеся находятся подъ влияніемъ не только профессоровъ, но и своихъ товарищѣй, а разнообразіе специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведѣтъ къ тому, что каждый получаетъ большую широту просвѣщенія, чѣмъ при слѣдованіи за отдѣльнымъ, хотя бы и высокимъ учителемъ.

Этому влиянію должно приписать не только общераспространенное понынѣ и во многомъ справедливо мнѣніе о томъ, что университеты даютъ общее высшее образованіе,

сверхъ специального, но также и то, что съ возникновенiemъ университетовъ, совпавшемъ съ эпохою „Возрожденія“ наукъ, школы въ научномъ смыслѣ стали расширяться, разнообразиться, умножаться и чрезъ своихъ adeptovъ вліять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежитъ въ основѣ университетовъ, сочетающихъ въ себѣ разныя специальности, въ послѣдней половинѣ XIX вѣка, когда живая надобность въ специально образованныхъ дѣятеляхъ значительно усилилась, была во множествѣ случаевъ упущена учрежденіемъ узкоспециальныхъ учебныхъ заведеній, и мы въ Россіи живемъ въ настоящее время въ эпоху господства этого упущенія. Ему, по преимуществу, обязано наше время тѣмъ, что, по весьма широко распространенному мнѣнію, о даннаго рода дѣлахъ могутъ судить съ достаточнымъ основаніемъ только ближайшіе специалисты, а эти послѣдніе очень не рѣдко чужды надлежащаго общаго образованія.

Мнѣ бы не хотѣлось развивать эту сторону дѣла, потому что она мнѣ кажется очень печальною, и я думаю, что можно не развивать этого, потому что всякий сознательный человѣкъ найдетъ кругомъ себя много привѣровъ, ее подтверждающихъ. Бывши первоначально профессоромъ не только Университета, но и различныхъ узкоспециальныхъ учебныхъ заведеній, подобныхъ Инженерной Академіи, Институту Путей Сообщенія и Технологическому Институту, я изъ жизни извлекъ эту мысль, и на основаніи этого утверждаю, что дѣло высшаго образования, даже специального, много теряетъ въ узко-специальныхъ заведеніяхъ, потому именно, что товарищи другихъ специальностей вліяютъ на все развитіе слушателей едва ли меньше, тѣмъ профессора. Когда я учился въ главномъ Педагогическомъ Институтѣ, на отдѣленіи Естественныхъ наукъ, я жилъ рядомъ съ товарищами, не только тѣми математиками, съ которыми вмѣстѣ слушалъ всѣ общія науки на первыхъ двухъ курсахъ, но и съ филологами, историками и экономистами другого факультета, и я никогда не забуду тѣхъ столкновеній во мнѣніяхъ, которые у насъ часто бывали и не мало послужили къ общей полировкѣ всѣхъ насть. На основаніи сказанного и имѣя въ виду необходимость множества специальностей и громадное ихъ развитіе, я полагаю, что наилучшіе плоды отъ высшихъ учебныхъ заведеній получатся лишь тогда, когда въ каждомъ изъ

нихъ будетъ много разнородныхъ специальностей или факультетовъ. Моя мысль станетъ, надѣюсь, вполнѣ ясной, когда я скажу, что желалъ бы соединенія въ одно учебное заведеніе съ отдѣльными факультетами такихъ Академій, нынѣ совершенно отдѣленныхъ, какъ Генерального Штаба, Артиллерійская, Инженерная, Морская и Военно-Юридическая. Конечно, въ каждой изъ этихъ Академій побочные предметы болѣе или менѣе рассматриваются, но едва ли не все согласятся съ тѣмъ, что сближеніе указанныхъ специалистовъ въ періодъ ихъ высшаго образованія въ одно цѣлое, повліяло бы весьма плодотворно на все развитіе каждого специалиста, не говоря уже о томъ, что множество расходовъ при этомъ значительно бы сократилось. Пусть будетъ требоваться для поступленія на данный факультетъ практическое прохожденіе данной специальности въ частяхъ войска, это ничуть не нарушаетъ плодотворности ожидаемаго результата.

Еще больше это относится къ высшимъ техническимъ учебнымъ заведеніямъ, объединеніе которыхъ уже начато въ видѣ политехническихъ институтовъ, а такъ какъ я съ своей стороны смотрю на сельское хозяйство и, тѣмъ паче, на лѣсостроительство, какъ на отдѣльный видъ промышленности, по существу совершенно такой же, какъ фабричнозаводская, горная, желѣзно-дорожная и т. под., то и желалъ бы видѣть слияніе отдѣльныхъ высшихъ учебныхъ заведеній техническаго характера въ политехникумы, въ которыхъ, мнѣ кажется, вполнѣ необходимымъ всегда и факультетъ экономической или камеральный, въ которомъ обѣщались бы экономическихъ познанія, очень часто недостающія у нашихъ узкихъ специалистовъ. При этомъ повторяю, что по моей мысли въ виду громаднаго расширенія потребности въ высшемъ образованіи нѣть никакой надобности уничтожать существующія узкоспециальная высшая учебныя заведенія, а есть только надобность въ расширеніи ихъ и дополненіи другими факультетами, что можетъ дѣлаться съ весьма большими выгодами съ большой постепенностью. Уже одно то, что при такомъ порядкѣ тѣль для учрежденія большого и расширенного специального учебнаго заведенія не потребуется, какъ пришлось недавно при устройствѣ политехникумовъ, сразу затрачивать большія средства на возведеніе множества новыхъ зданій, показываетъ, что при предлагаемомъ порядкѣ дости-

гнется немалая экономія государственныхъ средствъ, удовлетворяя народной и государственной надобности въ расширсніи высшаго образования въ Россіи.

Но экономія кой на чёмъ или гдѣ можно, не должно такой же экономической пріемъ примѣнить и къ образованію большого контингента профессоровъ, совершенно необходимаго для плодотворнаго расширснія высшаго у насъ образования. А потому въ слѣдующей главѣ я обращаюсь къ изложенію своихъ соображеній, сюда относящихся; это потому, что все высшее образование исключительно основывается на профессорахъ и если Россія желаетъ избѣжать слѣдствій возгласа „горе отсталымъ“ и если она должна впредь развиваться самостоительно, она болѣе и первѣе всего загодя должна позаботиться о томъ, чтобы у нея могли родиться свои Платоны и Ньютоны, чего нельзя предоставить теперь случайности и что нужно и, мнѣ кажется, возможно вызвать своевременными заботами о получениіи высшихъ специалистовъ — профессоровъ, что за послѣднее время совершенно упущено изъ виду.

5) Громадное усложненіе знаній всякаго рода, совершившееся особенно въ истекшемъ XIX столѣтіи, приводить высшія учебныя заведенія, при всемъ раздѣленіи на специальности по факультетамъ или отдѣленіямъ, все-же въ весьма большое затрудненіе, потому что слушателямъ желаютъ сообщить полноту свѣдѣній, какихъ надо сознаться въ сущности не имѣютъ и сами профессора, учившіеся въ прежнее время лѣтъ 20—30 назадъ. Въ особенности это относится и весьма затрудняетъ теченіе дѣлъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ въ этомъ отношеніи слѣдуютъ до нѣкоторой степени тѣмъ порядкамъ, какіе заведены въ Германіи у студентовъ, который кто-то изъ англичанъ очень глубокомысленно сравнилъ съ очагомъ до того заваленнымъ топливомъ, что онъ уже начинаетъ потухать. Мнѣ подлинно известны примѣры высшихъ техническихъ училищъ, въ которыхъ студентовъ просто заваливаютъ не только свѣдѣніями по всякаго рода отдѣльнымъ производствамъ, но и черченіемъ, до того, что для самостоятельныхъ занятій чѣмъ нибудь рѣшительно не остается времени, если все выполнять добросовѣстно. Отъ этого очагъ въ дѣйствительности потухаетъ. Вотъ здѣсь-то и нужна большая благо-

разумность, которую можно ждать только у людей съ опытомъ, накопившимся въ теченіе многихъ лѣтъ отъ впечатлѣній не только жизненныхъ, но и прямо педагогическихъ. Въ дѣйствительности для надлежащаго образования людей, которые могутъ или сами ити по протореннымъ путямъ жизни, прилагая къ ней научные пріемы, или, что еще важнѣе,— далѣе развивать самое знаніе, нужно получить не столько въ количественномъ отношеніи запасовъ знаній, сколько въ качественномъ. Надо умѣть отличить существенно необходимое опредѣляющее міровоззрѣніе и направление дѣятельности отъ того, что составляетъ мелкія подробности, для овладѣнія примѣрами которыхъ не столько важны лекціи, сколько практическія занятія. Въ видѣ примѣра укажу на то, что давно уже опытъ показалъ возможность ограничиться въ изученіи аналитической химіи лишь очень небольшимъ числомъ руководящихъ лекцій, если они дополняются правильно организованными занятіями въ лабораторіяхъ. Эти послѣднія должны вестись, какъ и главнѣйшія отрасли другихъ практическихъ занятій студентовъ подъ наблюденіемъ того разряда преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, который носитъ названія ассистентовъ, лаборантовъ, хранителей музеевъ, туторовъ и тому подобное; количество такихъ лицъ особенно значительно въ англійскихъ университетскихъ колледжахъ, где они читаютъ даже цѣлые курсы, дополняющіе и приближающіе къ дѣйствительности общіе курсы основныхъ профессоровъ Университета.

Если эти послѣдніе назначаются главнымъ образомъ для того, чтобы живымъ словомъ и краткимъ общимъ выраженіемъ необходимыхъ лисциплинъ заражать умы слушателей и направлять ихъ въ надлежащую сторону, ассистенты и другіе пособники, главнымъ образомъ, назначаются для того, чтобы придать сообщенному скелету жизненные определенные формы и показать приложимость указанныхъ началь къ дѣйствительности. Разрядъ ассистентовъ, туторовъ, и т. под. преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній имѣеть и то огромное значеніе, что изъ нихъ постепенно образуются дѣйствительные учёные и профессора, обладающіе запасомъ дѣйствительныхъ знаній въ определенной специальности. Но надлежащее значеніе этихъ профессорскихъ помощниковъ можетъ получиться лишь тогда, когда выборъ

этихъ помощниковъ будетъ опредѣляться соотвѣтсвенныи отдельнымъ профессоромъ и только утверждаться совѣтомъ профессоровъ руководителей, потому что въ дѣлѣ преподаванія весьма важна извѣстная степень единства направленія, которая можетъ давать adeptovъ знаній, и то, что называется научными школами. Въ дѣйствующемъ нынѣ университетскомъ Уставѣ заложена мысль такъ называемой „свободы преподаванія“, сводящейся по временамъ въ дѣйствительности къ тому, что у двухъ профессоровъ или доцентовъ слушатель иногда въ тотъ-же день слышитъ совершенно противоположныи сужденія объ одномъ и томъ-же предметѣ, и такъ какъ онъ не умѣеть еще разбирать, то становится въ тупикъ и приоравливается не къ наукѣ и знанію, а къ лицамъ и къ ихъ мелочнымъ требованіямъ. Этимъ я не хочу сказать, что желательно имѣть полное согласіе научныхъ началь между всѣми преподавателями высшаго учебнаго заведенія, но желаю только выразить ту мысль, что въ направлениі занятій слушателей, руководимыхъ преимущественно тутторами, ассистентами и т. п. должно быть полное согласіе сть направлениемъ, даваемымъ основнымъ профессоромъ даннаго предмета. Поясню и это примѣромъ изъ той области химическихъ знаній, которая мнѣ ближе всего знакома. Пусть между профессорами такъ называемой неорганической химіи и химіи органической существуетъ много разнорѣчій въ основныхъ представленияхъ, какъ это зачастую и бываетъ въ дѣйствительности; это только полезно для развитія студентовъ, если то и другое направление, конечно, согласуется сть разными теченіями нашей науки. Пусть ассистентъ, лаборантъ и т. под. находится еще въ состояніи неувѣренности въ справедливости того или другого изъ противорѣчивыхъ направлений; это опять можетъ быть полезно не только для слушателей, но и для самой науки, для образованія научныхъ школъ и направленій, для полученія людей самостоятельныхъ. Но при этомъ все-же необходимо, чтобы при занятіяхъ въ лабораторіи даннаго профессора были ассистенты, лаборанты и т. под., выбранные имъ и отъ него болѣе или менѣе прямо зависящіе, потому что только тогда изъ разнорѣчій можетъ выйти подъ конецъ единство, какъ оно и выходитъ въ дѣйствительности при развитіи современныхъ знаній, опирающихся не на одни

умственная соображения и разнорѣчія, но и на разслѣдование дѣйствительности въ природѣ, памятникахъ и т. под. Главное-же, что я хочу здѣсь сказать, состоитъ въ томъ, что роль и значеніе ассистентовъ, лаборантовъ и т. под. преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній чрезвычайно важны въ дѣлѣ всего высшаго образования юношества, но и она опредѣляется исключительно главными профессорами, выборъ которыхъ и долженъ составлять центръ всѣхъ попеченій объ народномъ просвѣщеніи. Эти главные профессора опредѣляютъ весь смыслъ, всю пользу и все значеніе высшихъ учебныхъ заведеній. Если это мѣсто люди займутъ по выслугѣ, а не по таланту, не по вкладу въ сокровищницу наукъ, ничего нельзя ожидать плодотворнаго и особенно того самостоятельнаго, которое намъ русскимъ теперь нужнѣе всего.

6) Считая значеніе высшихъ учебныхъ заведеній зависящимъ съ одной стороны отъ философскаго направленія, передаваемаго слушателямъ преимущественно на лекціяхъ основныхъ профессоровъ, а съ другой стороны отъ сообщенія имъ умѣнія прилагать философскія начала къ жизненной дѣйствительности, что достигается преимущественно съ помощью ассистентовъ, лаборантовъ и тому подобное, и въ то же время, предполагая зависимость между первымъ и вторымъ приемами, я утверждаю, что при составлении уставовъ высшихъ учебныхъ заведеній и при назначеніи для нихъ определенныхъ государственныхъ средствъ необходимо обратить на вторую часть, т. с. на сообщеніе слушателямъ умѣнія, не меныше вниманія, чѣмъ на первую, т. е. на выборъ основныхъ профессоровъ. Это значитъ, переводя на языкъ болѣе внятный, что высшія учебныя заведенія тогда только принесутъ надлежащіе плоды, когда пособія, назначаемыя для сообщенія умѣній, будутъ въ нихъ значительно развиты. Это поняли за послѣднее время не только въ другихъ государствахъ, но и у насъ, особенно при устройствѣ новыхъ политехникумовъ, снабдивъ ихъ такими библіотеками, лабораторіями, чертежными, мастерскими и т. под. для студенческихъ занятій и для возможности далѣе разрабатывать науку, о какихъ прежде, еще недавно, не было и помину. мнѣ случайно извѣстно, что одно устройство и первое снабженіе средствами трехъ политехникумовъ въ Варшавѣ, Кіевѣ

и Петербургѣ обошлось около 15 миллионовъ рублей. Этотъ вкладъ народныхъ средствъ въ дѣло высшаго образованія однако лишь тогда можетъ быть считаемъ плодотворнымъ, когда въ этихъ еще новыхъ учрежденіяхъ будутъ не только обучаться сонмы студентовъ, но и станутъ развиваться со-ответственныя знанія, т. е. когда въ нихъ будутъ разрабатываться профессорами, ассистентами, лаборантами и при ихъ помощи студентами новые отрасли или части знаній, а отъ того будутъ родиться самостоятельные ньтоны и пла-тоны. Мнеъ пришлось ближе познакомиться съ Кіевскимъ Политехникумомъ, и я съ полною увѣренностью говорю, что начала тамъ для этого положены хорошия и благопріятнаго результата впереди можно ожидать, если приливъ надлежащихъ силъ не будетъ чѣмъ либо остановленъ.

Говоря объ ассистентахъ, лаборантахъ и тому подобныхъ помощникахъ профессоровъ, я хоть вкратцѣ укажу на то, что они должны быть приглашаемы въ надлежащемъ количествѣ, соответствующемъ числу работающихъ подъ ихъ руководствомъ слушателей, должны доставлять профессорамъ ближайшую возможность оцѣнивать работоспособность и успѣхи занимающихся и должны быть, по возможно-сти, такъ обставлены въ своемъ вознагражденіи, чтобы могли оставаться исключительно при дѣлѣ педагогіи и науки. Не все это еще въ настоящее время соблюдено въ надлежащей мѣрѣ, и уставы вышихъ учебныхъ заведеній еще часто страдаютъ тѣмъ, что на этотъ предметъ обращено мало вниманія и на него отпускается менѣе средствъ, чѣмъ должно. У насъ существовать долгое время пріемъ отправленія для окончанія образованія и приготовленія къ профессурѣ за-границу. На это въ свое время, а особенно во времена министерства Нерова, тратилось не мало средствъ, и плоды отъ того вышли несомнѣнно хорошіе въ общихъ чертахъ; изъ такихъ лицъ получилось много лучшихъ нашихъ профессоровъ своего времени и много дѣйствительныхъ ученыхъ. Въ настоящее время такую мѣру я бы считалъ не только не нужной, но даже и вредной для развитія русской научной самостоятельности, хотя я съ другой стороны полагаю, что командировка уже подготовленныхъ профессоровъ за границу для ознакомленія съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ странахъ, и для возбужденія научныхъ связей

очень полезна. А такъ какъ средства, назначаемыя для содержанія отдельныхъ профессоровъ, вообще говоря, незначительны, то нельзя и думать, чтобы они могли собственными силами совершать такого рода поездки. Поэтому нельзя не одобрить того, что въ настоящее время уже входитъ въ практику — назначеніе особыхъ средствъ для заграничныхъ командировокъ какъ лицъ приготовляющихся къ профессурѣ, такъ и самихъ профессоровъ и ихъ ассистентовъ, если они уже заявили себя своими научными трудами. Самъ я, бывши уже не сколько лѣтъ приватъ-доцентомъ Петербургскаго Университета и служивши, какъ было тогда, безъ всякаго жалованія, много обязанъ тому, что на два года былъ командированъ за границу, где имѣть возможность отдаваться вполнѣ научнымъ работамъ, потому что быть обеспеченнъ хоть небольшимъ, но все же достаточнымъ вознагражденіемъ по 1.200 рублей въ годъ. Однако главное, т. е. первое вступленіе въ науку, помоему, именно должно совершиться уже въ своей странѣ, потому что въ ней уже есть много научныхъ силъ и средствъ. Самостоятельность научнаго направлениія безъ этого едва ли можетъ совершиться. Хотя наука и всемирна, хотя она и чужда по существу особенностей по странамъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности научные направленія различаются, или если угодно научныя школы, не только по руководителямъ, стоящимъ во главѣ, но и по странамъ, какъ это видно даже въ столь конкретныхъ наукахъ, какъ химія, въ которой очень часто, не зная отечества изслѣдователя, можно его угадывать по существу или направленію научнаго изслѣдованія.

7) Желая высказать свое мнѣніе объ испытаніяхъ и аттестаціи слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, я прежде всего выставлю на видъ нѣкоторые факты и обстоятельства, изъ которыхъ можно по моему мнѣнію вывести уже съ легкостью надлежащее слѣдствіе. Прежде всего обращаю вниманіе на то, что существующіе у насъ въ университетахъ полу-нѣмецкіе порядки совершенно чужды такимъ странамъ, какъ Англія и Соединенные Штаты, где несомнѣнно высшія учебныя заведенія доставляютъ людей дѣйствительно пригодныхъ для гражданской практики. Въ университетскихъ колледжахъ Англіи сущность порядковъ таюха же, какъ въ бывшихъ у насъ закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, подобныхъ

давно закрытому Главному Педагогическому Институту, т. е. тамъ слѣдить особые туторы или недели не только за посѣщеніемъ студентами лекцій, но даже за посѣщеніемъ ими церковной службы, и слѣдить столь пристально и столь вліятельно, что студентъ, не бывшій три воскресенія въ церкви, безпрекословно исключается. Когда я спросилъ въ Кембриджѣ одного изъ собратовъ по наукѣ, очень рѣдко посѣщающаго церкви, для чего заведенъ такой порядокъ, и выразилъ мнѣніе, что онъ можетъ вести къ религіозному формализму, онъ отвѣтилъ мнѣ, что это дѣлается по здравомъ размышлѣніи преимущественно съ цѣлью получить изъ студентовъ истинныхъ англичанъ до конца ногтей. Не входя въ критику такого мнѣнія, я укажу сразу на другой примѣръ—американскій, такъ какъ тамъ строго наблюдаютъ за тѣмъ чтобы слушатели были на всѣхъ обязательныхъ лекціяхъ по главнымъ или основнымъ предметамъ; для этой цѣли въ дверяхъ аудиторіи имѣется окно, черезъ которое особый надзиратель записываетъ пустыя мѣста, которыя всѣ нумерованы и назначаются каждое для отдѣльного слушателя, какъ вѣшалки въ прихожей и всѣ вещи отдѣльного студента. Если студентъ три раза не былъ въ аудиторіи основнаго предмета и не объяснитъ причины отсутствія, онъ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ исключается изъ заведеній, потому, сказали мнѣ, что на его мѣсто есть много желающихъ, а онъ, пропустившій много въ основныхъ предметахъ, не можетъ слѣдить за курсами. Особенно это наблюдается при практическихъ занятіяхъ въ лабораторіяхъ, мастерскихъ и т. под., потому что мѣсть и средствъ нельзя на всѣхъ приготовить, а что есть должно быть заполнено, если есть желающіе. При этомъ надоѣно замѣтить, что ни правъ, ни чиновъ, ни какихъ другихъ привилегій, у насъ обычныхъ, ни въ Англіи, ни въ Штатахъ, прохожденіе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи не даетъ, и даже строить можетъ всякий не дипломированный, только онъ долженъ представить свой планъ на разсмотрѣніе особому комитету.

Два эти указанія я привелъ не для того, чтобы настаивать на необходимости введенія у насъ совершенно подобнаго, а только для того, чтобы сдѣлать нагляднымъ требование улучшеній въ существующей у насъ практикѣ, которая сколько я понимаю дѣло, опредѣлилась преимущественно

фальшивостью пониманія той „свободы преподаванія“, которою проникнуть новый университетскій уставъ, сочиненный графомъ Д. А. Толстымъ и проведенный графомъ И. Д. Деляновымъ, но я тотчасъ же считаю необходимымъ совершенно рѣзко высказаться за раздѣленіе предметовъ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на основные и дополнительные, безъ чего весь смыслъ дѣла утрачивается. Основныхъ предметовъ, необходимыхъ для получения высшихъ специальныхъ знаній, должно быть очень немного и для нихъ должны быть выбраны предметы дѣйствительно отвѣчающіе философски-жизненному направленію образованія. Надо, чтобы такихъ предметовъ было немного, чтобы на нихъ профессора были, говоря короче, первого сорта, чтобы въ нихъ не было тѣхъ удручающихъ мелочей, которые часто отвращаютъ отъ знанія, а не привлекаютъ къ нему, а главное, чтобы эти предметы были дѣйствительно руководящіе въ той специальности, которая выбирается. Перечислять такие предметы не считаю вовсе надобнымъ и избраніе ихъ необходимо представить руководящему совѣту для каждого факультета. Основные предметы очевидно должны быть охвачены слушателями вполнѣ, т. е. для того они должны не только заразиться отъ профессора тѣмъ направленіемъ, которое ихъ проникаетъ, чего нельзя сдѣлать безъ посѣщенія лекцій, и по этимъ предметамъ болѣе всего нужны занятія ассистентовъ и тому под. помощниковъ со студентами, чтобы они могли указать пробѣлы, которые надо восполнить для того, чтобы окунуться въ науку и сообщить умѣніе обращаться съ этими предметами. Знакомства съ основными предметами особенно должно требовать отъ слушателей и притомъ своевременно, такъ какъ упущенное уже не повторится и не дастъ возможности слѣдовать за курсомъ.

Дополнительными предметами, по моему мнѣнію, должно считать большинство чисто описательныхъ, т. е. такихъ, съ которыми сравнительно легко познакомиться чтенiemъ книгъ и ближайшимъ знакомствомъ съ дѣйствительною жизнью. Для примѣра укажу на систематическія подробности естествоznанія, на метеорологію, описательную астрономію, на описание отдельныхъ производствъ, напр. въ Технологическихъ институтахъ на мукомольное или хлѣбопекарное дѣло и т. под.— въ области наукъ, мнѣ ближе знакомыхъ. По моему мнѣнію

даже для приготовления надлежащихъ техниковъ иѣть никакой надобности въ требованіи отъ нихъ ближайшаго знакомства со всѣми отраслями производствъ, описываемыхъ на всѣхъ курсахъ, и вполнѣ достаточно сверхъ дѣйствительнаго знанія главныхъ основныхъ предметовъ ознакомленія съ подробностями какой-либо отрасли техники по выбору каждого слушателя, для убѣжденія въ чмъ достаточно требовать практическихъ занятій, если они существуютъ по этому предмету, и выполненія по нему двухъ проектовъ, одного по собственному выбору, другого по назначению профессора.

Въ основныхъ предметахъ, по моему мнѣнію, надо неукоснительно слѣдовать за выработанною совѣтской программою, которая, конечно, должна быть сообразована съ силами и временемъ слушателей, а въ дополнительныхъ предметахъ нужно предоставить свободу выбора въ слѣдованіи за курсомъ, такъ какъ не надо забывать, что подробности и мелочи могутъ и даже должны пріобрѣтаться личною самодѣятельностью слушателя.

Судить о томъ, насколько подготовился слушатель къ тому, для чего назначается высшее учебное заведеніе въ данной специальности, можно и, кажется, должно только четырьмя способами. Первый изъ нихъ, считаемый мною низшимъ, состоять въ устномъ испытаніи по основнымъ предметамъ. По моему такое испытаніе вовсе не нужно ни по одному дополнительному предмету, и я думаю, что наилучший способъ устного испытанія состоять вовсе не въ экзаменахъ, пріуроченныхъ къ определенному времени, отнимающему много отъ общаго хода занятій и направляющему его въ нежелательную сторону, а въ бесѣдѣ профессора со слушателями, въ которой можетъ лучше всего опредѣлиться степень подготовленности и въ основномъ предметѣ. Когда въ лабораторіи, бывшей въ моемъ вѣдѣніи, было мало места для всѣхъ слушателей, я принималъ туда лишь послѣ бесѣды по пройденнымъ курсамъ и узнавалъ слушателей тогда лучше, чмъ на экзаменѣ. Вторымъ способомъ испытанія должны служить практическія занятія, въ которыхъ даются главныя основанія умѣнію, неизбѣжному въ дѣлѣ высшаго образованія. Здѣсь главную роль должны играть упомянутые выше и весьма важные въ дѣлѣ высшаго образованія ассистенты, туторы и т. под. и ихъ отмѣтки или мнѣнія, провѣряемыя соотвѣт-

ствующимъ профессоромъ, должны играть ту же роль, какую должны имѣть собесѣданія съ профессорами. То и другое должно быть выполнено неизбѣжно студентами, и каждый, неудовлетворившій требованію, не можетъ продолжать дѣло высшаго образованія, т. е. или долженъ быть исключаемъ, или долженъ по истечениіи опредѣленнаго срока подвергаться новому испытанію. Какъ собесѣданія, такъ и занятія должны обязательно начинаться послѣ первого года или вообще опредѣленнаго срока послѣ вступленія въ заведеніе; это такъ сказать первый курсъ или первое испытаніе, которое, какъ сказано выше, должно въ соотвѣтственныхъ случаяхъ отлагаться на определенное время, чтобы дать возможность неуспѣвающимъ догнать ихъ товарищѣ. Бесѣды профессора и занятія со студентами, конечно, должны продолжаться и послѣ того первого испытанія, которымъ опредѣляется главнымъ образомъ составъ слушателей по каждой специальности. Чтобы сдѣлать совершенно ясною необходимость такого двусторонняго испытанія каждого слушателя за все время его пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи до самаго конца или выпуска, лучше или проще всего припомнить положеніе дѣль на Медицинскомъ факультетѣ, такъ какъ каждый выпущенный получаетъ уже право въ нѣкоторомъ смыслѣ жизни и смерти для каждого изъ настѣ и, очевидно, что отъ него надобно требовать находчивости и знаній не только въ общемъ смыслѣ, но и въ частномъ примѣненіи въ данномъ случаѣ, для чего при медицинскихъ факультетахъ необходимы клиническія занятія. Но и помимо этого, во всякомъ предметѣ, хотя бы въ химіи, дѣйствительное знаніе опредѣляется не однѣмъ знакомствомъ съ воззрѣніями и обобщеніями всякаго рода, но и съ дѣйствительностью во всей ея полнотѣ, хотя бы на совершенно отдѣльныхъ узкихъ частностяхъ. Третій способъ испытанія слушателей сводится къ устному или письменному изложенію ими какихъ-либо частей данной науки, подразумѣвая подъ этимъ то, что въ обычной практикѣ называется или сочиненіями или рефератами, т. е. такое самостоятельное изложеніе, которое опредѣляется отдѣльною работою каждого надъ какой-либо хотя бы небольшой вѣткой знанія. Здѣсь уже вполнѣ видна будетъ самостоятельность философской подготовки слушателей. Въ части работъ этого рода могутъ входить и свои попытки разслѣдованія въ природѣ,

искусствахъ или въ памятникахъ, но испытаніе въ умѣніи обращаться съ частностями составляетъ четвертый способъ испытанія, безъ котораго по моему мнѣнію нельзя выпускать ни одного слушателя высшаго учебнаго заведенія съ полнымъ дипломомъ. Не только сама жизнь вся состоить въ сущности изъ частностей, но и всякое научное разслѣдованіе опредѣляется этими частностями, такъ какъ общее не можетъ быть охвачено безъ этихъ частностей и въ отвлечениі или абстракціѣ не можетъ быть убѣжденія въ безошибочности, которая въ отдѣльныхъ частностяхъ можетъ выступать съ совершенной очевидностью. Умѣніе разобраться въ частности на основаніи того, что уже известно, вполнѣ необходимо въ жизни, а умѣніе изъ частностей доходить до вѣроятно справедливаго, а тѣмъ паче до достовѣрнаго или несомнѣнно истиннаго и составляетъ существо научной самостоятельности. Пусть это скажется въ студенческой работѣ надъ какой-либо частностью лишь въ зародыши или намекѣ, люди научнаго опыта это увидятъ съ ясностью и этимъ путемъ можно отличить среди подготовленныхъ лишь тѣхъ, которые наиболѣе выдаются по своимъ способностямъ, свойствамъ и подготовкѣ къ достижению цѣли, ради которой и учреждается высшее учебное заведеніе.

По сказанному выше видно, что въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, еще болѣе, чѣмъ въ среднихъ, можно обойтись безъ всякаго рода экзаменныхъ испытаній. Въ видѣ переходной мѣры экзамены могутъ состоять изъ одного обзора тѣхъ четырехъ способовъ испытанія, которымъ подвергался выходящий изъ заведенія слушатель. Въ его аттестаціи или дипломѣ, какъ въ дипломѣ на баккалавра въ Англіи, полезно отличить два разряда подготовки; одинъ, обычный, достаточный для прохожденія всѣхъ жизненныхъ отношеній, требуемыхъ отъ специалиста, а другой „съ отличиемъ“, для обозначенія явно выказанныхъ уже въ студенчествѣ способностей обобщать частности и, вообще, охватывать предметы въ ихъ большей широтѣ. Это отчасти подобно тому, что прежде практиковалось въ видѣ различія степеней „дѣйствительнаго студента“ и „кандидата“, хотя я никоимъ образомъ не думаю это различіе пріурочивать къ какимъ-либо привилегіямъ, доставляемымъ дипломомъ. Нужнѣе всего это различіе для тѣхъ, кто на основаніи диплома будетъ принимать

къ себѣ подъ свое начальство или въ свое предпріятіе лицъ, кончившихъ высшее учебное заведеніе.

8) Уже изъ того, что сказано выше, можно ясно видѣть, что по моему мнѣнію желательно, какъ можно шире открыть двери высшихъ учебныхъ заведеній для всѣхъ достаточно къ нему подготовленныхъ и для этого необходимо, имѣть много учебныхъ заведеній съ разнообразными специальностями или факультетами. Даже въ столь богатыхъ странахъ, какъ Англія, Шотландія, Соединенные Штаты и Голландія, гдѣ въ сущности высшее образованіе составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ привилегію богатыхъ людей, потому что стоитъ дорого ¹⁾, бѣднякамъ не отрѣзана дорога къ высшему образованію. Они пользуются стипендіями, выплачивамыми за всѣ ихъ потребности или изъ капиталовъ, пожертвованныхъ специально для этой цѣли или назначаемыхъ вѣдомствами и лицами (напр. въ Англіи колоніями для снабженія ихъ медиками), или особымъ обществомъ для пособія студентамъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что всѣ выданныя такимъ обществомъ пособія возвращаются въ теченіе всей жизни малыми, но постоянными процентными взносами лишь, получившихъ пособіе. Все это, какъ известно, практикуется и у насъ еще съ тѣмъ дополненіемъ, что у насъ есть много стипендій Высочайшаго имени совершенно безвозвратныхъ, какъ и многія, изъ всіхъ иныхъ видовъ пособій выдаваемыхъ стипендіатамъ. Долженъ признаться, что мое личное мнѣніе склоняется къ тому, чтобы стипендія и пособія всякаго рода, выдаваемыя при прохожденіи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, непремѣнно возвращались послѣдовательно, по окончаніи курса, и чтобы при полученіи каждого пособія выдавалась получающимъ такая расписка, въ которой эта обязательность возврата была бы явственно обозначасма. Когда государство даетъ свои средства отдѣльному лицу на его образованіе, оно, по моему крайнему разумѣнію, должно

¹⁾ Судя по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ Оксфордѣ и Кембридже, гдѣ почти всѣ студенты распредѣляются по колледжамъ весьма хорошо обставленнымъ жизненными и научными пособіями, годичное пребываніе студента обходится никакъ не менѣе, на наши деньги, тысячи рублей, и въ большинствѣ случаевъ достигаетъ въ среднемъ съ личными расходами самихъ слушателей на спортъ и остальные потребности около 1.500 р. въ годъ.

всегда требовать или возврата выданной ему стипендіи, или обязательной за нее службы въ тѣхъ мѣстахъ, куда будетъ назначенъ окончившій курсъ. Подобный порядокъ не есть какое либо нововведеніе, онъ и теперь практикуется во множествѣ случаевъ, напр. въ большинствѣ военныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Мнѣ, какъ и всѣмъ моимъ товарищамъ при поступлѣніи въ Главный Педагогический Институтъ, пришлось давать при самомъ вступленіи расписку въ томъ, что я обязуюсь за каждый годъ проведенный въ Институтѣ, где все содержаніе было казенное, прослужить 2 года тамъ, куда буду назначенъ начальствомъ, и мнѣ очень памятно все значеніе этой расписки, особенно потому, что со мной, 16 лѣтнимъ юношою, этимъ способомъ былъ въ въ первый разъ заключенъ договоръ, на который я охотно шелъ, такъ какъ изъ немъ видѣлъ свою прямую выгоду. Обязательство или расписка не только заставитъ каждого относиться внимательнѣе къ дѣлу, за которое онъ принимается, но и составитъ одинъ изъ первыхъ жизненныхъ уроковъ для внущенія той связи, которая должна существовать между всякими правами и обязанностями, чего, признаться сказать, въ настоящее время въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нельзя встрѣтить въ должномъ развитіи. Смотрѣть на пособія студентамъ какъ на особый видъ благотворительности, по моему мнѣнію, весьма неправильно уже по одному тому, что размѣры благотворительности опредѣляются множествомъ случайностей и могутъ быть совершенно недостаточны для надлежащаго прохожденія научныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ на всякія постороннія занятія студентовъ должно смотрѣть только какъ на исключительное явленіе, зачастую вредящее цѣлямъ высшаго образования, когда все время нужно посвятить изученію выбранной специальности.

Нельзя избѣжать того, чтобы выдача стипендій обходилась безъ участія профессоровъ и другихъ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, для казенныхъ же стипендій эта зависимость должна быть совершенно полна и вовсе не должна опредѣляться надобностями отдельныхъ слушателей, а преимущественно, если не исключительно, ихъ успѣшными занятіями. Но, говоря вообще, дѣло стипендій должно быть ведено, по моему мнѣнію, съ наименьшимъ участіемъ профес-

соровъ и въ размѣры стипендій должны входить, если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, всѣ расходы или взносы, требуемые уставомъ съ университетскихъ слушателей. Расходы на высшее образованіе для государства такъ велики и потребности высшихъ учебныхъ заведеній такъ сѣ годами умножаются, что возвратъ хотя части этихъ расходовъ въ видѣ сборовъ за слушаніе лекцій и за лабораторныя и всякия иные занятія, мнѣ кажется, вполнѣ справедливымъ даже въ нашей странѣ, весьма нуждающейся въ лицахъ, снабженныхъ дѣйствительными знаніями. Нѣкоторые виды стипендій по моему мнѣнію должны быть назначаемы только лицамъ, выдержавшимъ первое или основное испытаніе, но, конечно, и въ самомъ началѣ прохожденія курсовъ пособіе во многихъ случаяхъ вполнѣ необходимо, въ особенности потому, что у насъ (я думаю въ большей мѣрѣ, чѣмъ, гдѣ нибудь) очень часто встречаются способные юноши именно въ тѣхъ классахъ общества, которые обладаютъ наименьшимъ достаткомъ, такъ какъ они стоятъ зачастую ближе къ природѣ и всей дѣйствительности, показывающей всю нужду въ высшемъ образованіи, чѣмъ то бываетъ у дѣтей состоятельныхъ родителей, какъ видно это уже изъ примѣра первого русскаго ученаго Ломоносова. Намъ особенно нужны образованные люди близко знающіе русскую природу, т. е. всю русскую дѣйствительность для того, что бы мы могли сдѣлать настоящіе самостоятельные, а не подражательные шаги въ дѣлѣ развитія своей страны. Назначивъ и выдавши пособія и стипендіи, надо имѣть особо въ виду то обстоятельство, что надлежащий результатъ можетъ получиться отъ высшаго образованія лишь тогда, когда время студента будетъ отдано дѣйствительно образованію, т. е. надо соразмѣрить величину стипендій, не только съ предстоящими расходами, но и съ дѣйствительнымъ прилежаніемъ и успѣхами стипендиантовъ, безъ чего стипендіи и пособія студентамъ, хотя будутъ оставаться дѣломъ благотворительнымъ, но совершенно не отвѣщающимъ цѣлямъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ ихъ назначеніе исключительно состоитъ въ подготовкѣ для жизни дѣятельныхъ и знающихъ людей, что и должно пройде всего блюсти распорядительному Сонѣту высшаго учебнаго заведенія. Во всякомъ случаѣ какія бы то ни были стипендіи и пособія слушателямъ должны быть вы-

даваемы только тогда, когда они исполняютъ программу занятій, намѣченныхъ для слушателей. Неисполненіе этой программы, а тѣмъ паче неуспѣшность занятій, проявившаяся послѣ испытаній во все время прохожденія курса, должна служить указаніемъ того, что самъ стипендіантъ отказывается отъ всякихъ дальнѣйшихъ ему пособій. Мои слова, конечно, покажутся жесткими для многихъ сентиментальныхъ лицъ, но я ихъ говорю съ полнымъ убѣжденіемъ и болѣе всего въ пользу плодотворности высшаго образования, такъ какъ неуспѣвающіе и неспособные къ успѣхамъ, недолжны, по моему крайнему разумѣнію, имѣть никакаго касательства до высшихъ учебныхъ заведеній, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя для общаго блага смыщливать съ благотворительными учрежденіями. Изъ того, что изложено выше, можно полагать и ожидать, что первые курсы высшихъ учебныхъ заведеній будутъ гораздо многочисленнѣе послѣдующихъ, особенно при надзорѣ за правильнымъ посещеніемъ лекцій и занятій. При развитіи же стремленія въ высшія учебныя заведенія, нынѣ у настъ несомнѣнно существующемъ, наплывъ слушателей можетъ быть очень большимъ. Дѣйствительность полагаетъ предѣль этой многочисленности со множества сторонъ, которыя нѣтъ надобности и перечислять, и дѣло высшаго управления народнымъ просвѣщеніемъ сводится къ тому, чтобы достигать надлежащей соразмѣрности и по мѣрѣ увеличенія прилива учреждать новыя высшія учебныя заведенія или расширять существующія, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ, и назначая для всѣхъ специальностей, для коихъ оказывается особая надобность въ странѣ и въ которыхъ приливается наибольшее число желающихъ. Чтобы не остаться здѣсь совершенно голословнымъ, я укажу хотя бы на то, что судя по дѣйствительности аудиторія въ которой вмѣщаются болѣе 500 слушателей уже становится мало удобною для преподаванія во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ часть слушателей окажется въ положеніи мало удобномъ для воспріятія глазомъ и ухомъ того, что излагается или показывается. Тѣмъ болѣе это относится къ пособіямъ, подобнымъ лабораторіямъ, кабинетамъ и т. д. Если въ видѣ примѣра положить въ высшемъ учебномъ заведеніи четыре факультета и два изъ нихъ, наибольшихъ по числу поступающихъ, съ общими курсами, излагаемыми въ одной аудиторіи, то можно счи-

тать на двухъ такихъ факультетахъ 500 слушателей, а на двухъ другихъ 200, въ высшихъ же курсахъ всего около 500 человѣкъ, черезъ что и получится въ суммѣ около 2.000 на высшее учебное заведеніе. Если прилишъ будетъ больше въ эти учебныя заведенія, это послужитъ явнымъ указаниемъ, что для удовлетворенія потребности страны необходимо учреждать еще новыя высшія учебныя заведенія.

Проведя, сперва какъ студентъ, а потомъ какъ профессоръ, болѣе половины всей своей 70-ти лѣтней жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и сознавая ихъ величайшее значеніе для всей дальнѣйшей судьбы Родины, мнѣ хотѣлось бы еще многое сказать о дѣлѣ высшаго образованія, но я воздерживаюсь отъ этого, главное потому, что вся суть здѣсь исключительно въ профессорахъ и въ уставахъ, которыми они руководятся, а это сказано выше со всею для меня возможною ясностью; частности придутъ сами собой и я не желаю ими затемнять основныхъ требованій. Уставы университетовъ уже пересматриваются, тутъ уже сознана необходимость улучшений. Но, сколько я понимаю нашу современность, еще не ясно сознаніе въ необходимости позаботиться о подготовкѣ надлежащихъ учителей и профессоровъ — особенно послѣднихъ, а потому слѣдующую главу я посвящаю своимъ завѣтнымъ мысламъ объ этомъ предметѣ, стараясь быть, какъ умѣю, краткимъ, но яснымъ, угождающимъ только благу своей страны, а не ея либераламъ, консерваторамъ и утопистамъ.

10 июля 1904 г. Боблово.